

СВЕТА ШЕБУНИНА

Мгновение Хаоса

18+

Света Шебунина

Мгновение хаоса

«Автор»

2026

Шебунина С.

Мгновение хаоса / С. Шебунина — «Автор», 2026

Все начинается с ежедневника. С самой обычной тетради, которая однажды почти буквально взрывает мир Тины. Проснувшиеся в ней чары делают ее мишенью, а единственная защита — циничная телохранительница и безэмоциональная попутчица. Чужие судьбы прожигают тело, сила становится дикой, а прошлое отца оказывается опаснее, чем отсутствие ответов. В бой вступают вечный порядок, и бесконечный хаос. Как убить того, кто видит твою душу? И как остаться человеком, когда твоя сущность требует стать богом?

© Шебунина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ 1	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Света Шебунина

Мгновение хаоса

Внутренние человеческие перипетии и внешние бури мира – то, что представляет собой жизнь. Так же и с книгой – она ни что иное, как переплетение очевидной реальности и тайных истин.

Ловить момент не обязательно, если можно поймать вечность.

Не каждое ружье должно выстрелить.

Некоторым из них суждено стать всего лишь свидетелями активного действия.

Пролог

Судьба – путь от неведомого к неведомому.

Платон

Она носит джинсы клеш цвета фуксии. На кофтах, как правило, присутствует цветочный принт. Можно сказать, что это отличительный знак, однако природа наградила ее не менее яркой внешностью. Непослушные кудри ниже плеч извивающимися змейками лезут в лицо, и она убирает их тонким ободком, а в глазах у нее прячется вечное лето с бескрайними травянистыми полями.

Зелень в глазах и копна каштановых волос заставляют прохожих задерживать на ней взгляды, но ей нет до этого дела.

Тина всегда чувствует слишком много. Хотя слова «слишком» для нее, пожалуй, не существует. Она может остановиться посреди улицы, потому что вдруг заметила, как меняется свет от солнца, падающий яркой тенью на кирпичные стены зданий. Мир для нее никогда не был фоном – он всегда требует внимания.

Тина не умеет проходить мимо. Ни мимо людей, ни мимо состояний, ни мимо собственных ощущений. Это утомляет. Это делает ее уязвимой. Она называет это чувствительностью, а иногда – ошибкой.

Тина еще не знает, что именно это станет ее точкой опоры.

Но на грезы о будущем нет времени.

Стрелки вокзальных часов безжалостно бегут вперед. Тина мчится вместе с ними. Тревожность беспокойно течет по венам, а суета носится кругами в воздухе. Но все это только в радость. Ведь пока хаос охватывает душу, пока тело в движении, пока ни одна мысль не проникает в сознание – Тина не думает о том, что будет дальше.

О том, что теперь делать с полученной силой.

Она еще не понимает, что бег – это тоже выбор. Что однажды ей придется остановиться и услышать то, от чего невозможно будет отмахнуться.

Она одевается так, будто каждый выход из дома – это маленький показ мод. Атласные брюки, острые линии, туфли на таком каблуке, что может послужить и оружием, если понадобится, а еще немного рюш. От нее веет собранностью и решительностью, словно она заранее готова к спору. Золотистые волосы убраны в высокий хвост, потому что когда они распущены, влюбленных взглядов становится слишком много. Какой бы суровый лед ни сковывал ее сердце, разбивать чужие она никогда не любила. Как и не терпела размытости в зеркалах, и в собственной жизни.

Софи всегда умела выглядеть так, будто ей все равно, – даже когда душа трескалась от обиды и разочарований.

Софи идет быстро, не оборачиваясь, как будто город просто обязан подстраиваться под её шаг. Каблуки стучат по асфальту с той уверенностью, которой обычно не хватает ее мыслям. Она раздражается из-за погоды, из-за людей, из-за себя – и находит в этом странное утешение.

Быть первой – есть в этом какой-то азарт. А Софи – азартный игрок. Ей нужно говорить громче и решать быстрее. Иначе ее место займет другой. Софи ненавидит неопределенность – и потому презирает все, что нельзя измерить, взвесить или высмеять.

Она называет это честностью. Иногда – защитой.

Софи еще не знает, что однажды ей придется замолчать и отойти на второй план. И это будет не самым трудным.

Она поклонница черного цвета. Выбор падает на те вещи, что скроют ее из поля зрения окружающих. Она тонет в свободных силуэтах, и эта бездна ее никогда не смает напугать. Ее легко не заметить с первого взгляда, но почти невозможно забыть после первого разговора. Темные длинные локоны и смородиновые глаза делают свое дело – ее хочется рассматривать и оберегать, словно фарфоровую куклу. Вот только вряд ли она это одобрит. Четкость, факты и структура – вот что действительно привлекает ее внимание.

Эми предпочитает наблюдать.

Она сидит чуть в стороне, скрестив руки, чтобы не выдать свои опасения, и смотрит на происходящее так, будто это эксперимент с заранее известным исходом. Люди кажутся предсказуемыми, события – повторяющимися, а эмоции – лишними.

Эми не спешит делать выводы. Она копит их, как артефакты, аккуратно раскладывая по мысленным полочкам. Иногда ей кажется, что это делает ее сильнее. А порой – просто одинокой.

Она редко говорит о себе: мир вокруг куда интереснее и запутаннее, нежели ее сундук с ночной тьмой внутри. Зато она часто беседует с книгами, на страницах которых находит немые ответы. Буквы, слова и предложения куда приветливее и понятнее человеческого разума, не говоря уже о чувствах.

Эми еще не знает, что наступит день, когда даже логика окажется лишь пылью на книжных полках, а сердце – под прицелом.

ЧАСТЬ 1

.

Глава 1

Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока.

«Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима»

Николай Куи, Александра Нейрхардт

– Успела! – широко улыбаюсь проводнице, которая явно не собирается скрывать свое плохое настроение. Она осматривает меня чуть ли не с головы до пят, хотя ее объектом является лишь мое лицо, которое не так уж и похоже на то, что женщина видит в паспорте.

– Не забудьте обновить документ, – она обращается ко мне в нравоучительном тоне и протягивает обратно мои гражданские корочки.

– Точно! – Натягиваю самую доброжелательную улыбку из своего арсенала. – Надеюсь, вспомню, – киваю в знак мнимой благодарности, за которой скрывается колючая раздражительность.

А вот проводница даже не пытается замаскировать свою кислую мину. Тяжело, наверное, ей живется.

Мне-то не сложно делиться своей положительной энергией с людьми. Особенно с теми, кто действительно нуждается в ней. А если кому-то я покажусь наивной дурочкой – это далеко не мои проблемы.

Но все-таки – чего она ко мне привязалась? День Рождения у меня только через месяц. Вот тогда и подумаю о всех своих драгоценных взрослых обязанностях и документах.

Поезд заполнен под завязку. Туристы слетаются в наши края, как мухи на варенье, кода наступает лето. Погода мягкая и нежная. Не говоря уже о море.

Все, конечно, временно – осень наступает стремительно, присылая холодные ветра и затяжные ливни. Но разве не в этом вся прелесть? Перемены ведь к лучшему, да?

Иду по вагону, высматривая нужно место. Несколько припозднившихся, так же как и я, бредут между рядов сидений. Рядом со мной протискивается молодой мужчина, задевая мой рюкзак.

– Соррьки, – не глядя, бросает он.

Я неосознанно морщусь, уловив отвратительный запах, говорящем об очень бурной ночи. Судить не в моих правилах, потому что каждый человек – это определенный набор ошибок, который нас и формирует.

Мужчина быстро скрывается за дверью в соседний вагон. Взгляд ловит лишь его темную от татуировок руку.

Я люблю татуировки, но не знаю, хотела бы набить что-то себе или нет.

Мысль перескакивает с одного на другое. Такое случается, когда стресс пробирается под самую кожу.

Наконец падаю в свое кресло и выдыхаю. Следующие два часа можно было бы потратить на продуктивное действие – например, подумать: что делать дальше. Или пробежаться по воспоминаниям и попробовать найти хоть какое-нибудь, даже временное, объяснение тому, что произошло. Но я сильно вымотана. Организм, словно по щелчку пальцев, расслабляется и дает отбой, погружая меня в сон.

Ничего конкретного не снится. Лишь изредка в сознании мелькают вспышки образов недавнего прошлого. Корпуса, похожие на квадраты. Оглушающая тишина. Яркое и теплое солнце. И темный страх в сердце. Лицо... такое знакомое и в то же время совсем мне неизвестное. Вновь вижу, как губы шевелятся, но звука нет. Картинка отдаляется, звуки поезда

пробиваются сквозь вакуум дремоты, и я открываю глаза. Взгляд упирается в окно, за которым виднеются уже знакомые пейзажи.

Через час, преодолев толкучку в метро и вонючее облако ароматов человеческих тел, я приближаюсь к кирпичной пятиэтажке. К своему дому.

Я так устала за эти сутки, что готова вновь забыться во сне без сновидений. Желательно на несколько дней. Но такая перспектива мгновенно отпадает, когда по коже пробегают холодные мурашки: ключ не хочет проворачиваться в замке. Я замираю. Входная дверь в квартиру открыта.

– Какого черта... – бормочу под нос.

Как можно тише открываю дверь и прислушиваюсь. Глаза тут же упираются в пару кроссовок большого размера, а затем недовольно закатываются. Испуг мгновенно растворяется в чувстве, в котором смешалось раздражение, злость и бешенство.

До меня доносятся звуки закипающей воды в чайнике и шипящего масла на сковороде. Скидываю рюкзак в коридоре и прохожу в гостиную, которая совмещена с кухней. Меня не замечают, поэтому приходится обозначить свое присутствие. По классике жанра я кашляю, привлекая к себе внимание.

Дейв дергается, словно пойманный вор, и оборачивается. В его взгляде читается паника, но когда он понимает, кто перед ним, то успокаивается. А зря.

– Боже, Тин, ты напугала меня! У меня чуть..

– Сердце не выскочило из груди? – продолжаю за него мысль.

– Именно, – кивает он.

За год отношений хочешь не хочешь, а ненароком запоминаешь повадки и особенности речи партнера. Вот только я больше не желала наблюдать за трусишкой и неженкой Дейвом, поэтому еще месяц назад порвала с ним. Наши отношения и отношениями то трудно было назвать. Мы скорее были сожителями, чем парнем и девушкой. Хотя про его тело не могу сказать ничего плохого. До сих пор не понимаю, откуда у него рельефный пресс и все эти мышцы, если он слюняй, каких еще поискать нужно.

– Что ты забыл в моей квартире? – поднимаю одну бровь и складываю руки на груди.

– Мне кажется, мы поторопились, Тин, – Дейв делает шаг в мою сторону, протягивая ладонь ко мне, но я отступаю назад. – Мы ведь даже толком ничего не обсудили, а шанс есть всегда. И потом...

– Стоп! – обрываю его монолог. Моя рука вытянута перед собой. – Я тебе все сказала. Ты должен был оставить ключи в почтовом ящике, а не заваливаться сюда в мое отсутствие.

– Да ну брось, – отмахивается Дейв.

– Да ну брось!? Ты серьезно? – Уровень злости возрастает так быстро и до такой степени, что еще чуть-чуть и я взорвусь. – Ты же в курсе, что даже без взлома это является незаконным проникновением?

Дейв не смотрит на меня. И правильно делает, хотя даже это действие меня бесит! Накопившаяся усталость и взрывная ярость – гремучая смесь, способная сжить с земли кого угодно.

Протягиваю ладонь вперед и холодно произношу:

– Ключи на место, а свою тушу тащи на лестничную площадку.

– Но.. – рыпается Дейв, но ловит мой взгляд. Вдыхает так, словно это он жертва и весь из себя бедный и несчастный. – Ладно, ладно. Только потом не пиши мне, – выражение его лица в секунду меняется на выражение полного засранца, не ценящего никого и ничего в этой жизни, кроме самого себя.

Я в очередной раз закатываю глаза. Не понимаю, как я могла однажды на «это» – пусть и красивое – повестись.

– Я добрейший человек, ты это знаешь, – говорю я, пока он роется в кармане. – Но тебе все-таки удалось меня вывести из себя. Так что, не напишу, не беспокойся.

Еле сдерживаюсь, чтобы не ударить его. Вообще – я против насилия! Но не в те моменты, когда производится эмоциональное и моральное насилие надо мной! Я легко дам сдачи.

Когда ключи оказываются у меня в, а дверь за этим недоумком захлопывается, я делаю глубокий вдох, ложусь на диван, утыкаясь лицом в подушку и издаю ноющий, протяжный рев.

Становится на капельку легче. Но всего лишь на капельку.

Следующие десять часов я планирую провести в сладком забвении. Рюкзак до завтрашнего утра решаю не трогать.

Кто знает, может мне все-таки это приснилось. Хотя кого я обманываю – я надеюсь, что все правда. Сегодня внутри меня что-то вспыхнуло.

Как и почему? Не знаю.

Значит ли это ощущение хоть что-то? Без малейшего понятия.

Я хочу разобраться с тем, что отец оставил мне вместо ответов. И выяснить: куда это вообще может меня привести.

Или убедиться в том, что я просто схожу с ума.

Глава 2

Всё, что случается, имеет причину.

Габриэль Гарсиа Маркес

Отражение в зеркале выглядит далеко не радостно. Приглаживаю торчащие во все стороны пряди, но они все равно пружинисто оттопыриваются. Синяки под глазами сияют куда заметнее, чем им положено. Провожу пальцами по лицу, сбрасывая остатки беспокойной ночи.

Попытки смыть усталый вид и такое же внутреннее состояние, стоя под горячей струей в душе, остаются попытками. Но все это отходит на второй план.

Обернувшись в полотенце, я подхожу к рюкзаку и достаю оттуда свой ежедневник. Раньше эта тетрадь была для меня убежищем от тревожных мыслей, спасением от забывчивости и не осуждающим холстом для неумелых и странных по меркам других людей рисунков. Но теперь я смотрю не на ежедневник, а на книгу, в которой неразборчиво и второпях начерчены схемы, имеющие какую-то сложно объяснимую власть над моим сознанием.

Прошло, наверное, пять минут с тех пор, как я взяла в руки ежедневник. Но открыть его я так и не смогла. Смотрю на синюю кожаную поверхность, обклеенную разными пестрыми наклейками, и не могу решиться.

Чушь какая-то.

Почему я вообще должна бояться простых записей? В частности непонятных? Ну есть они там и есть. А страх внутри меня – это всего лишь последствия стресса. Сильного стресса. Пожалуй, сильнейшего за всю мою жизнь. Прямо на моих руках умер человек. Я видела, как его душа покидает тело, глаза становятся холодными и безучастными, а тело превращается в восковую фигуру.

Вчера я стала свидетельницей смерти.

А эта тетрадь – след человека, которого уже не существует.

Моего отца.

Которого я знала всего десять минут.

Кладу ежедневник на журнальный столик, сбрасываю скорбь с кожи и возвращаюсь в реальность. Мне нужно побыть в своей привычной рутине.

Через полтора часа уже стою на рабочем месте. Собираю маленькие букеты, которые позже выставлю на витрину. Софи с кем-то безостановочно переписывается, не замечая ничего вокруг. Это начинает раздражать. Пусть она мне и нравится как человек, но с самого первого моего дня в этом магазинчике я выполняю больше работы, чем она. И сейчас мне одной не успеть до открытия.

– Прости, прости, – лепечет Софи, все еще тыкая в экран телефона.

Я кидаю в нее упрекающий взгляд, но он быстро сменяется на заинтересованный.

– С кем переписываешься?

Софи хищно улыбается и стреляет глазками. Не сдерживаюсь и улыбаюсь:

– Очередная жертва?

– Почему очередная? – недовольно хмурится Софи, но хватает ее ненадолго: уголки губ вновь поднимаются вверх. – Ладно, возможно и так, – сдается она.

– Пока ты не начала вдаваться в подробности, пожалуйста, – на этом слове я делаю акцент, – разбери уже чертовы гортензии и помоги мне с букетами. Нам открываться через полчаса.

Софи громко вздыхает, убирает телефон в карман черных брюк, поправляет кружевную блузку, под которой виднеется шелковый топ, и идет к ведру с цветами. Помещение тут же заполняет стук ее каблучков.

Я провожаю взглядом подругу. На мне столько кружева будет смотреться вульгарно, но на ней выйдет лаконично и элегантно. Завидую.

– Напомни, пожалуйста, зачем ты работаешь? – как бы невзначай задает вопрос Софи, убирая светлые длинные локоны в высокий хвост.

– Затем, что мне это нравится, – с твердостью в голосе отвечаю я. – Я могу рассчитывать на то, что сегодня ты отлипнешь от меня с этой темой быстрее обычного?

Софи поднимает руки вверх в знак капитуляции, но тут же набирает воздух в легкие:

– Нет, – мотает головой она и добавляет: – Я просто пытаюсь тебя понять. Вот и все, – Софи пожимает плечами.

– Мне нравятся цветы, если ты еще не заметила, – усмехаюсь я, опуская взгляд на свою жилетку классического кроя, на которой расположились оранжевые лилии.

– Да брось, подруга. У тебя ведь есть деньги. Юность в самом разгаре! Я не вижу смысла сидеть в этом... – Софи оглядывается вокруг. – В этом пыльном, крохотном магазинчике.

– Во-первых, ты так же как и я сидишь в этом пыльном магазинчике, – тыкаю в нее пальцем. – А во-вторых, деньги на моем счету не мои, а родителей.

– Боже, – Софи напоказ закатывает глаза.

– Нет, давай не будем об этом, – отрезаю я.

Сейчас я жалею о том, что когда-то в не совсем трезвом состоянии решила рассказать ей о своей жизни.

– Но тебе всего двадцать лет! У твоих родителей есть огромные финансовые возможности тебя обеспечивать, а ты возишься тут... за копейки... чтобы что?

Я делаю глубокий вдох в надежде не дать эмоциям затопить разум, но успокаиваюсь лишь на толику.

Мой папа – очень уважаемый предприниматель. Более того – он довольно успешный. Обычно он благодарит за это маму, которая хоть и не у руля, но во многом его поддерживает. Но не все трудности оказались им по зубам, а успех не стал константой в их жизни. Здоровье не позволило им завести собственного ребенка.

Так у них появлялась я – меня удочерили. Мне было пять лет, но я отчетливо помню, как меня забирают из детского приюта и увозят уже в мой дом к моей семье. Я часть семьи Дюваль практически с самого рождения, потому что до переезда я себя и не помню.

– Чтобы быть самостоятельной, Софи, – наконец спокойно отвечаю и ухожу ставить букет на витрину. – Мне нравится чувство обособленности и независимости.

– Бла-бла-бла, – слышу за спиной.

Она всегда так! И я на нее не злюсь. По крайней мере, очень стараюсь. Просто мы с Софи слеплены из разного теста. Она – мечтает о богатстве, точнее о мужчине, который обеспечит ее; любит все блестящее, прямо как сорока; и до мозга костей вся из себя девочка. Я же в приоритет ставлю иные вещи. Мне важно помогать окружающим, всегда быть чем-то увлеченной и заниматься творчеством, выражать себя (чем ярче, тем лучше) и ни от кого не зависеть.

Мы разные. И каждый день мы пытаемся понять друг друга, даже если это кажется невозможным. Контрастные люди в конечном счете либо становятся друзьями на всю жизнь, либо разбегаются подальше, чтобы не рушить собственную картину мира.

День проходит. Проходит мимо и безропотно. Все настолько спокойно, что к вечеру это начинает настораживать. Не то чтобы я страдаю паранойей, но чувствую себя как-то... подвешено? Меня как будто внутри разделили пополам. Вот только ни мотивов, ни желаний этих половин я никак не могу уловить.

– Софи! – кричу на весь магазин, когда дверь захлопывается за последним покупателем.

– А? – так же громко отзывается она.

– Ты не хочешь сегодня сходить куда-нибудь, – продолжаю напрягать голосовые связки. Поворачиваю голову в сторону кладовки, где сейчас возится Софи, и вздрагиваю.

– Твою ж...

– Вроде не страшная, чтобы шарахаться, – усмехается она, стоя в метре от меня с большой коробкой в руках.

– Ты еще пять секунд назад была... – указываю за ее спину. – Ладно, не суть, – отмахиваюсь я. – Ну так что?

– Если ты про бар, то я за, – она ставит на стол коробку с торчащими из нее лентами. – А если это снова непонятное сборище творческих чудиков, то нет, даже не проси.

– Да ладно тебе! Я всего лишь раз тебя туда привела. И готова признать – тогда действительно было не очень...

Я беру коробку и переставляю на стеллаж за прилавком.

– Мягко сказано, дорогуша. Стихи об импотенции, маникюре и чьей-то лысине – совсем не походят на творчество.

Недовольно цокаю языком, потому что считаю, что любое творческое проявление достойно уважения и принятия. Но и с Софи я согласна...

– Хорошо, пойдем туда, куда ты скажешь, – без боя сдаюсь я.

Мы прибираемся и закрываем смену под мелодичное пение Софи. Она часто что-то мурлыкает себе под нос, даже не замечая этого. Это еще одна вещь, которая мне в ней нравится, – ее голос. В такие минуты никакие мысли не лезут в голову.

Я собираю остатки мусора в пакет, параллельно осматривая помещение.

– Соф, подай мой рюкзак, пожалуйста.

Глаза Софи вновь устремлены в экран телефона. Она, не глядя, идет к стулу, на котором лежит рюкзак. Так же игнорируя возможности своих глаз, она берет его в свободную руку и бредет в мою сторону, медленно цокая каблучками.

Пытаюсь сдвинуться в ее сторону, чтобы ускорить процесс, но мешок с мусором оказывается тяжелым. Я еле-еле могу его приподнять. Протягиваю свободную руку вперед.

– Соф, – недовольно говорю я, потому что Софи стоит недостаточно близко, чтобы я могла без затруднений взять свои вещи.

Ноль реакции.

Она даже не думает взглянуть на меня!

– Ага, на, – безучастно отвечает она и отпускает рюкзак, который летит на пол.

Я хочу отпустить чертов пакет с мусором, но он до жути неустойчив и грозит упасть. Но, слава богу, звук падения привлекает внимание Софи, которую я уже прожигаю глазами.

– Ой, блин! – лепечет она. – Прости, прости, прости.

Она хватается за рюкзак. Молния на нем не выдерживает и расходится. Все содержимое вываливается наружу. Несколько маркеров, паспорт, бумажник, парочка монет, помада...

И ежедневник.

Как только он ударяется об пол, голову пронзает острая боль. В глазах темнеет, а в раздается оглушительный звон. На считанные секунды забываю где я, но через пару мгновений все встает на свои места.

Боль уходит так же быстро, как и пришла.

– Черт возьми, что это было... – произношу я, пытаюсь сфокусировать взгляд.

– Тин, Тина, – глухо слышу голос Софи совсем рядом. – Боже, что с тобой?

Мои руки держатся за голову, сама я сижу на полу, подогнув под себя ноги. Грудная клетка судорожно поднимается вверх-вниз.

Вижу напротив себя Софи, затем ощущаю ее легкие прикосновения – она пытается помочь мне встать.

– И часто с тобой такое? – спрашивает она, когда усаживает меня на кресло в углу помещения.

– Честно говоря, впервые...

Софи довольно быстро справляется с россыпью мусора на полу и даже выкидывает огромный мешок. Совсем без затруднений. На своих тонких неустойчивых каблуках. Если мне не померещилось, то она вообще держала мешок одной рукой. Надо же... Наверное, у меня еще какое-то помутнение.

Разминаю шею, поворачивая голову в разные стороны. Ни одного болезненного намека в теле. Вряд ли это был такой резкий скачок давления – с ним у меня все в порядке. Как и со всем остальным.

Софи уже вернулась в магазин и начала молча собирать мои вещи обратно в рюкзак.

– Спасибо, Соф, давай я сама, – подаю голос и осторожно встаю с кресла. Ожидаю неприятных сюрпризов, но ничего не происходит.

– Мне не сложно, – отмахивается она. – Слушай, твоя молния...

– Да, ее нужно починить, – подхожу ближе.

– Лучше купи новый рюкзак.

Беру его в руки, оглядываю и понимаю, что, пожалуй, в этот раз Софи права. Я даже не могу вспомнить, откуда у меня этот рюкзак – потертый, вытянутый и неопрятный.

– Интересные эскизы, – хмыкает Софи.

Поднимаю на нее взгляд. В ее руках – мой ежедневник.

– А что это? – спрашивает она, вернув себе легкое любопытство.

– Да так, – качаю головой и забираю его.

Хочу закрыть ежедневник, но пальцы неосознанно касаются символов, выведенных на страницах. Горячая волна проходит по телу. Все вокруг расплываться и кружиться. Тошнота стремительно подходит к горлу. Прикладываю усилия, чтобы убрать руки от ежедневника. Он падает на пол.

Жадно ловлю воздух, словно была на пробежке.

– Да что сегодня с тобой? – круглыми глазами смотрит на меня Софи.

– Наверное, отравилась, – отмахиваюсь я.

– Может в больницу?

– Нет, нет, не нужно, – говорю я как можно беззаботнее. Нахожу рулон бумажных салфеток, отрываю сразу несколько, возвращаясь к ежедневнику. Он снова открыт. Снова смотрю на страницу с неизвестными мне символами.

– Соф, можно попросить тебя...

– Да, да, я все доделаю, – быстро кивает она. – Ты главное не напрягайся, а то если упадешь в обморок, то и я вслед за тобой рухну.

Она быстро исчезает из поля зрения и начинает заниматься делом.

Минуту я играю в гляделки с этой отвратительной тетрадью, которую вообще-то я сильно люблю. Она мой самый верный слушатель и хранитель идей. Но не сегодня. И возможно больше никогда.

Кладу на ежедневник салфетки и вновь беру его в руки.

Выдыхаю.

Ничего не происходит.

Он по-прежнему открыт, и я вижу несколько символов, которые нарисовал мой отец дрожащей рукой за минуту до своей смерти. Неприятные мурашки покрывают кожу.

– Ой, – слышу тихий голос Софи. – Тина, тут узор, смотри, как у тебя нарисован.

Она выглядывает из-за стеллажей, за которым вход в подсобку.

Мое сердце замирает.

Я хмурюсь в непонимании. Но чувствую с отчетливостью – меня ужасно тянет снова прикоснуться к ежедневнику, пусть он и причиняет боль.

В сознании проскальзывает мысль – безопасность больше не следует со мной об руку. И все то, что сейчас происходит, нависает надо мной в какой-то угрозе.

Я подхожу к Софи и поднимаю голову вверх, как и она.

– Куда ты смотришь... – мои слова обрываются, но глаза четко цепляются за нужное. Над дверным проемом еле заметно вырезан символ. Он сильно потерт.

– По-моему, точно такая же картинка у тебя в ежедневнике.

Мои глаза опускаются на тетрадь, которую я все еще держу с помощью салфеток. Нахожу точно такой же символ. Он напоминает мне стрелку. Прямая линия упирается в два угловых знака, а последней стоит точка.

– А ты повнимательнее меня, – хмыкает Софи и проходит в подсобку.

– Ага, – бормочу себе под нос.

Хоть кому-то все это не кажется странным, думаю я.

Словно загипнотизированная смотрю на знак, вырезанный в дверном проеме. Он выполнен под другим углом, нежели тот, что нарисован на странице. Мне не нравится ход моих мыслей, потому что он активизирует любопытство.

Проявление любопытства – это такая же жажда знаний, как жажда воды. Жизнь без смены интересов уже не будет полноправно называться жизнью.

Поэтому я, следуя своим внутренним инстинктам, двигаюсь по направлению к неизвестному. Взгляд скользит по пространству.

– А сколько вообще лет этому зданию? – спрашиваю я Софи, хотя на ответ не рассчитываю. Такие вещи ее не волнуют.

Продолжаю медленно двигаться в сторону задней части помещения, куда указывает стрелка. Но куда смотреть? Тут все заставлено коробками, на стенах висят полки с плюшевыми игрушками.

– Здание построили еще в 18 веке, – неожиданно раздается голос сзади. Я вздрагиваю и поворачиваюсь. Вижу Софи. – Не знаю, что тут было настолько давно, но во время войны тут был госпиталь. Затем долгий период, где-то до 1996 года, здесь располагалась библиотека. Причем частная, но личность владельца неизвестна по сей день.

Смотрю на Софи огромными удивленными глазами. Я думала, она читает информацию из Гугла, но нет. Руки сложены на груди, спокойный взгляд отведен в сторону.

– Какого дьявола? – приподнимаю бровь. – Откуда ты...

Глаза Софи на секунду замирают, а затем, словно опомнившись, она резко отмахивается.

– Да на углу дома это написано. Я иногда прохожу там. Не знаю, как-то запомнилось, – пожимает она плечами и хочет уйти, но останавливается. – Мы пойдем сегодня куда-нибудь? А то и так уже ценные полчаса жизни потратили на уборку этого несчастного цветочного.

Я успела забыть то, что сама же и предложила.

– Соф, – жалобно произношу я. – Давай не сегодня.

– Ах ты, – прищуривается она. – Нет уж! Убирай свой ежедневник в... Черт, твой рюкзак.

– Вот именно, мой рюкзак! – восклицаю я.

– погоди, – строго командует Софи и уходит к кассе. Возвращается уже с черным кожаным шоппером в руках. – Я давненько его тут оставила, и вот! Пригодился! – Она протягивает сумку мне. – Перекладывай сюда вещи, а я пока позвоню, спрошу, есть ли свободные столики.

Она разворачивается, делает пару шагов вперед и добавляет:

– И пошустрее, Тин! Время – деньги.

Тянусь к уху Софи и даже встаю на носочки, потому что она выше меня на порядочных десять сантиметров. Повышаю голос, чтобы перекричать громкую музыку:

– По-моему, это не совсем тот бар, о котором мы говорили!!

Неоновые вывески с надписями по типу «здесь и сейчас» и «к черту все» украшают стены, а яркие вспышки света рисуют динамичные узоры на танцполе, который уже наполовину заполнен людьми.

– Разве? Хотя да, ты права! Это лучше, чем просто бар! – хищно улыбается Софи.

Расправив плечи, она уверенно шагает к барной стойке, а я замираю на месте. Со мной что-то происходит – обычно я вовсе не против подобных вылазок. Но сегодня все тут кажется неприятным, липким, навязчивым и фальшивым.

Выбрасываю тягучие мысли из головы и направляюсь к Софи... которая всю флиртует с барменом?

Когда я подхожу вплотную к Софи, игривая атмосфера вокруг этих двух потихоньку отходит на второй план. Бармен замечает меня первым.

– Что будете? – спрашивает он, все еще кидая взгляды на Софи.

– Эм.. – мешкаюсь я.

– Мы будем сет шотов, – перехватывает инициативу Софи, указывая на какую-то позицию в меню.

– Нет, нет, Соф, ни за что! – пытаюсь переиграть заказ, но бармен уже отвернулся и начал смешивать напитки.

Строю из себя недовольную, но длится это недолго. Софи сразу отвлекает меня разговорами о своих интрижках, которых сейчас у нее три. Я смеюсь с ее шуток, особенно после того, как мы выпиваем по шоту. И вот клуб уже не кажется плохим вариантом досуга.

Наслаждение тусовкой не задерживается в моем организме даже на полчаса. Холодная тревога резко обливает меня с головы до пят. Сердце выбивает отчаянную чечетку, глаза дергаются из стороны в сторону, дыхание учащается так, словно я только что пробежала на всей скорости стометровку.

Делаю ставку на алкоголь, который я давно не пила.

– Скоро вернусь, – кидая Софи и быстро, насколько это возможно, иду в туалет.

Подхожу вовремя, потому что оттуда как раз выходит девушка. Я прячусь за дверьми и защелкиваю замок. Прислоняюсь спиной к стене, пытаюсь отдышаться. Сумка падает на пол и приоткрывается. Взгляд тут же упирается в потертую кожу синего цвета.

Сердце разгоняется еще сильнее.

Черт, а это вообще анатомически реально? Люди живут с таким пульсом?

Но эти мысли в мгновение испаряются.

Понимаю, что не могу отвести глаза от ежедневника. Стекаю по стенке и сажусь на корточки. Я ничего не слышу, а вижу лишь стопку станиц, переплетенных вместе и обернутых обложкой.

Забываю про боль, пронзавшую меня пару часов назад, про салфетки, которые спасали от нее.

Рука тянется к ежедневнику. Мне кажется, еще чуть-чуть и эта тетрадь со мной заговорит, но этого не происходит.

Пальцы касаются кожаной поверхности. Я замираю. Ничего не происходит.

Тревога тут же отступает. Тело и разум накрывает спокойствие.

Я понимаю, что это затишье перед бурей, но покорно жду новой волны.

И она обрушивается на меня с ужасной силой.

Я не понимаю, где источник боли. Меня пронзает тысяча невидимых стрел. В ушах белый шум. Мышцы напряжены, а кислород застрял где-то по пути в легкие. Я зажмуриваюсь. Мне больно.

Больно!

Делаю вдох, отцепляю ладонь от проклятого ежедневника, и боль концентрируется в груди. На поверхности. Мне как будто выжигают кожу в этом месте.

Собираюсь с мыслями и медленно встаю. Делаю шаг к зеркалу и сразу же опираюсь о раковину. Ноги подкашиваются. Слезы скатываются по щекам. Но я их не чувствую.

Новая волна жгучей боли окатывает грудную клетку. Не могу вдохнуть. Упрямо смотрю в зеркало. Злюсь на саму себя за слабость и неспособность вовремя себя проконтролировать.

Расстегиваю жилетку, дрожащими руками задираю футболку. И замираю.

– Надеюсь, у меня галлюцинации.. – выдавливаю из себя и быстро моргаю, чтобы картинка перед глазами стала вновь прежней. – Черт, черт, черт!

В отражении все та же я, вот только над солнечным сплетением, где-то на пять сантиметров выше него, волшебным образом расположилась татуировка. Еще немного красноватая, словно ее набили минуту назад. Хотя так оно и есть.

Мне трудно сфокусировать на рисунке взгляд. Но когда это удастся сделать, я осторожно дотрагиваюсь до нее рукой. Это место все еще жжет, но мне уже плевать. Все мое внимание направлено на тонкий змеинный силуэт, что тянется вверх к солнцу.

Реальность в секунду обрушивается на меня звуками, доносящимися из-за двери. Кто-то яростно стучится в туалет. Вытираю размазанную тушь под глазами, оглядываюсь по сторонам. Опускаю футболку, хватаю сумку с пола и быстрым шагом направляюсь к выходу.

Голова идет кругом.

Холодный воздух ударяет в лицо, и только тогда становится легче дышать. Сумка впивается в плечо. Я крепко прижимаю ее к себе, словно она может сбежать.

Телефон вибрирует. Сообщение от Софи.

Я не читаю.

Все, что я сейчас хочу, – это закрыться дома и забыться во сне.

Утро вечера мудренее. Неизменный девиз жизни. Проблемы вчерашнего дня никогда не выглядят так же, как в тот день, когда они появились. А некоторые неприятные заботы и вовсе – способны раствориться во мраке.

Но это – не тот случай.

Глава 3

*Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но
даже разлила. Так что заседание не состоится.
«Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков*

Всю ночь ворочаюсь в кровати – путаюсь в одеяле, скидываю подушки и чуть сама не падаю на пол. Неразборчивые силуэты мельтешат в сонном воображении. Под кожей застревает липкое и вязкое ощущение, словно меня засасывает в темное болото. Но не мое тело, тянет скорее что-то изнутри.

Открываю глаза, но не встаю с постели. Лежу на спине, вслушиваясь в собственное дыхание, и смотрю в потолок, где год назад нарисовала соцветие сирени. Картина заполняет лишь часть пространства, но взгляд замирает именно на нем.

Никакой тревоги и учащенного пульса. Кажется, все хорошо.

Не считая воспоминаний. Но у меня нет ни малейшего желания закапывать себя в сожалениях или боли.

Мой взгляд цепляется за сумку, валяющуюся на полу рядом с постелью. Из нее высовывается виновник торжества – мой горячо любимый и ненавистный ежедневник.

Прежде чем начать день, я устраиваю раскопки в шкафу, перебираюсь к тумбочке у рабочего стола, где наконец-то нахожу необходимое – старая книжная обложка. Купила ее пять лет назад и думала, что буду обязательно надевать на книги, чтобы без угрызений совести носить их с собой повсюду. Но обложка не прижилась, потому что, как оказалось, мне в общем-то наплевать на мнение окружающих, и я читала книги, ни от кого их не скрывая.

Зато теперь эта вещь удостоена чести избавить меня от страданий. С помощью кончика простыни у меня получается избежать прикосновений моей кожи и ежедневника и обернуть его в обложку.

Смотрю на свою тетрадку тайн. Теперь она в сером цвете. Да уж, не особенно ярко, но зато в уголках обложки изображены розовые георгины.

Довольно киваю и улыбаюсь.

Но улыбка тает в задумчивости, когда я оказываюсь в ванной перед зеркалом.

Это странно. Это ненормально. Это магия?

Я с детства верила в чудеса, верила в мультивселенные, в невидимых ангелов-хранителей – короче, во всякое сверхъестественное, волшебное или высшее на небесах. Я слышала, что таких людей называют пантеистами[1].

В общем – ничего не отрицаю, пусть и многого боюсь.

В мире возможно всякое.

Из мысленного купола меня выдергивает звонок телефона.

– Прости, прости, прости, – первым делом тараторю я, не давая сказать Софи и слова. – Я видела твои пропущенные, и мне...

– Двадцать семь! – она перекрикивает меня, и я замолкаю. – Двадцать семь раз я звонила тебе и, наверное, сообщений сто отправила.

– Прости-и-и-и, – жалобно тяну я, хоть и не совсем понимаю ее беспокойства. Мы не так близки, чтобы настолько переживать друг за друга. – Мне стало очень плохо. Я просидела в туалете тысячу лет, а потом в спешке убежала домой. Ну, сама понимаешь, свой унитаз...

Выслушав несколько недовольных вздохов и пару совсем нелестных отзывов на мой счет, кладу трубку. Я все еще слегка удивлена вовлеченностью Софи в мою жизнь. Прошло много лет после того, как я стала избирательнее в дружбе – тяжело находиться рядом с людьми, которые

ни во что тебя не ставят и как человека, и как друга. Конечно, это дела прошлого, вот только они по сей день влияют на мою жизнь.

Отмахиваюсь от мыслей, подкидывающих мне мрачные воспоминания.

Душ сегодня принимаю прохладный. Не потому, что он освежает и бодрит, а потому, что в моем доме в летний период вечные проблемы с водопроводом. Видимо, через час горячей воды совсем не будет.

Окончательно меня приводит в норму сладкий кофе. Шестеренки в мозгу начинают набирать ход, запуская процессы, некоторые из которых окажутся необратимыми.

Перед моими глазами выстраивается картина недавних происшествий. Я не могу оставить все просто так. И вечное ожидание приступов не входит в список моих желаний на Новый год. А татуировка – появилась без моего ведома и таким болезненным способом, что никакого флера от нее нет.

Ежедневник выкинуть не смогу – он для меня как магнит.

Я отчаянно хочу воспроизвести в памяти первые и последние минуты, проведенные с отцом.

Но у меня ничего не выходит. Словно я никуда не ездила и никого не видела и ничего не слышала. Я прокручивала в голове эти минуты всю дорогу домой, да и потом...

Подскакиваю с дивана, как ошпаренная, и почти бегом двигаюсь к ежедневнику, который выглядит теперь слишком мило для предмета, который причиняет ужасную боль, бьет татуировки и стирает память!!! Гребаная тетрадка!

Мне кажется, еще чуть-чуть и в моих глазах вспыхнет пламя. Настолько сильно я зла!

Лишиться такой ценной зацепки, как слова отца, у меня не было в планах. Но, видимо, моя судьба теперь полностью зависит от скрепленных воедино линованных страниц.

Мама всегда говорит, что у меня боевой дух. Что ж, сейчас самое время это проверить.

Сегодня не моя смена, поэтому я дожидаюсь позднего вечера и иду в цветочный магазин. Чувствую себя вором. Даже надела черные джинсы и ботинки, а поверх зеленого топики (с ромашками, разумеется) накинула и застегнула на все пуговицы серую кофточку. Выгляжу блекло, а значит – то, что нужно.

Открываю дверь своим комплектом ключей, ввожу код на сигнализации. Свет не включаю, иначе с улицы будет видно, что здесь кто-то находится. А мне неприятностей хватает. Освещаю пространство фонариком, который мне когда-то отдал папа. Иду к дверному проему, на котором Софи вчера увидела тот же символ, что и в ежедневнике.

Я не знаю, что конкретно ищу. Я не знаю, что этот знак вообще значит и кем он был оставлен. Для чего? Когда? Имеет ли он вообще смысл? Но все равно тихо надеюсь: «Пожалуйста, наведи меня на нужный след».

Вглядываюсь в рисунок, вырезанный на деревянной поверхности. Похоже на стрелу.

– Ага, уже хорошо, – подбадриваю себя вслух и разворачиваюсь в том направлении, куда указывает символ.

Там стоит шкаф со швабрами, тряпками и прочим. Сомневаюсь, что мне нужен именно он, потому что символ, как и здание, здесь явно уже десятки, а возможно и сотни лет. Что ж, проверим сколько во мне сил. Толкаю его на себя, отодвигая от кирпичной стены. Поддается легко, и через пять минут он уже стоит посреди коридора.

Даже предположить не могу, что я ожидала увидеть. Может, какую-нибудь записку наподобие: «Дорогая Тина, не пугайся! С тобой все в порядке, просто матрица дала сбой. Через два дня все вернется на круги своя. Жди!». Или подробную инструкцию с информацией о том, где следует искать ответы. Не знаю... Может, например, номер телефона, адрес или хотя бы город.

Но, конечно, я ничего не нахожу.

Еще какое-то время я исследую всю мебель и стены с той стороны. Безрезультатно.

Поникнув, подхожу к высокой столешнице, на которой создаются букеты, и опираюсь на нее руками. Меня расстраивает перспектива неизвестности и опасности. Не пугает, а именно огорчает. Во мне пылает огонь, который норовит вырваться наружу, но я без малейшего понятия как ему позволить это сделать. И нужно ли это?

Запускаю правую руку в задний карман джинс и нащупываю монетку. Достаю ее и вижу, что это вовсе не деньги. Это жетончик из игровой зоны в торговом центре. Я там не была уже года три. В школьные годы обожала аэрохоккей.

Улыбаюсь ностальгическим ноткам, пробравшимся в мое настроение.

Взгляд скользит мимо жетончика. На столешницу. Поверхность покрыта стеклом, но не плотно. Под ним с давних пор лежит карта мира. Она такая же большая, как и сам стол. Глаза начинают бегать по названиям и границам.

Не задумываясь, я вертикально ставлю жетончик на край столешницы и щелкаю по нему пальцами. Он стремительно закручивается и плавно перемещается по стеклу. Я наблюдаю за ним и успокаиваюсь. Что-то в этом есть. Туда-сюда. Словно маятник.

На следующий день ловлю паническую атаку, потому что случайно коснулась страницы ежедневника. Это происходит снова на работе, но в этот момент хотя бы никого нет рядом и никто не видит приступа, чтобы задаваться вопросами.

Панических атак у меня до этого не было, поэтому сначала теряюсь. Но затем вспоминаю про мою одноклассницу, у которой панические атаки случались несколько раз прямо в школе. Тогда мой взгляд фиксируется на голубых кедах, воздух начинает медленнее поступать в организм, тело замирает. Я замедляюсь. Сжимаю и разжимаю кулаки, и паника отступает. Плечи наконец расслабляются и опускаются.

Через день меня бросает в сильный жар – пот льется ручьями по лицу и телу. Затекает в глаза, стекает по бокам. Я горю изнутри. Хорошо, что нахожусь дома. Но от этого факта легче все равно не становится. Я не понимаю, что стало причиной приступа. И это пугает.

В таком настроении проходит вся следующая неделя. Организм истощается. Под глазами синяки, спина сутулая, но у меня просто нет сил, чтобы расправить плечи. Мне кажется, что от меня убежало несколько килограммов, потому что в зеркале больше не наблюдаю своих любимых пышных бедер. Да и грудь как будто бы стала меньше... Весов у меня нет, поэтому мои килограммы остаются тайной.

Подтверждением своих отнюдь не положительных изменений служит своеобразное беспокойство Софи:

– Я, конечно, не врач и не твоя мама, но, дорогуша, – приподняв брови, она обводит меня взглядом, далеко не радостным взглядом, – тебе нужно либо в санаторий на лечение, либо в отпуск. Прости, что вот так резко, – она поднимает руки ладонями ко мне, как будто сдается.

Я отмахиваюсь:

– Все нормально, ты права, – соглашаюсь с ней. – Последняя неделя была тяжелой, – вздыхаю я.

– Что-то случилось? – интересуется Софи.

Обычно она спрашивает подобные вещи с максимально наигранной интонацией, но сейчас выходит очень правдоподобно. Я даже опешила.

– Да нет, все в порядке, – натягиваю улыбку. – Просто приболела, а лечиться не стала, вот и результат.

– Отдохни, Тин. Тебе ничего не стоит на недельку уехать куда-угодно. Хоть на Мальдивы, хоть на Бали, хоть в Сингапур, не знаю.

– Соф, – с упреком смотрю на нее, потому что она вновь затрагивает тему семьи и родительских денег, которые я из принципа не трачу.

Она замолкает и пожимает плечами.

– Ладно, пусть не так далеко и тепло. Тебе не мешает сменить обстановку. Я не помню, чтобы за последний год ты брала даже дополнительные выходные.. Ты так долго не выдержишь, вот и все. Съезди, вон куда-нибудь, – Софи подходит к карте, расположенной под стеклом, и тыкает куда-то своим длинным ноготком. – Не знаю, да хоть в Гору. – Так мы называем соседний город, расположенный у подножья одноименной горы – Портуэл. – Там воздух чище, не так много мест для развлечений, хотя для твоих увлечений, я уверена, там много вариантов. Всякая лепка из глины, керамика, пленэры в горах... – Софи уже набрала темп, и мне остается только ждать, пока она закончит. – Какой от тебя тут толк, если ты будешь медленной и апатичной?

Ее возмущенная тирада-просьба поднимает мне настроение.

– Хорошо, Соф, – улыбаюсь я. Теперь моя очередь поднимать руки в знак капитуляции. – Я позвоню руководству и спрошу.

– Я уже, – довольно произносит Софи.

– Что ты уже?

Она опускает взгляд на телефон, который она по ощущениям никогда не выпускает из рук. Я даже перестала замечать, когда она с кем-то параллельно переписывается.

– Ты что, написала..

– Да, да, – перебивает она меня. – Все, лети отдыхать, птичка, – Софи подходит ко мне и пихает в сторону выхода из магазина.

Таким образом я оказываюсь в небольшом отпуске. Правда, сомневаюсь, что отдых поможет мне избавиться от приступов, но я смогу все-таки расслабиться на какое-то время и, возможно, поискать информацию.

Глава 4

Когда чего-нибудь сильно захочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось.
«Алхимик» Пауло Коэльо

Когда я училась в средней школе, мы с родителями часто выезжали на природу – палатки, костер, еда в котелках. Меня завораживали такие небольшие путешествия. Сначала я ездила через «не хочу», потому что – какой дурак вместо ночевки у одноклассницы выберет лес и отсутствие нормального туалета? А потом очень даже вошла во вкус. Поездки стали нашей семейной традицией до того момента, как я поступила в университет.

С тех пор у меня остался хороший походный рюкзак, который теперь едет со мной отдыхать в Гору.

Я не боюсь летать на самолетах, но поезда привлекают меня сильнее. Ты как будто ярче ощущаешь движение и скорость, пока картинки за окном быстро сменяются. И в то же время поезда – это спокойствие и некая пауза: ведь пока ты едешь, ты можешь позволить себе выпасть из бурлящего течения жизни.

До Горы мне ехать пять часов в сидячем вагоне, поэтому я подготовилась: скачала побольше музыки, несколько подкастов (два по психологии и один исторический), на всякий случай фильм и книгу по семиотике – как сообщил Гугл, это о знаках и символах мира.

Мне бы хотелось не думать о ежедневнике. И о приступах. И о татуировке. Но не могу. Этот пугающий непонятный вихрь уже ворвался и в прямом смысле крепко впечатался в мою жизнь.

Достаю из рюкзака воду, мармеладки, наушники и телефон. Кладу все на маленький столик, разделяющий два сиденья у окна. Рюкзак закидываю на полку над головой. И падаю в свое кресло.

Две остановки еду одна, поэтому слушаю музыку и дремлю, закинув ноги на пустое место. Мне ничего не снится, тело становится тяжелым, но сознание продолжает внимательно цепляться за шум вокруг. Ладно, пусть хотя бы глаза отдохнут.

Нормального сна у меня не было примерно с тех пор, как случилась первая паническая атака. Я стала засыпать по два часа, беспокойно спать и постоянно просыпаться. Очень не похоже на меня.

Да сейчас все не похоже на мою привычную жизнь.

На третьей станции ко мне подсаживается девушка, поэтому ноги приходится убрать, да и спать уже не особенно хочется. Я достаю киндл[2] и начинаю читать книгу.

Нехудожественная литература всегда давалась мне тяжело. Когда в книге нет сюжета и персонажей, все расплывается и тонет среди бестолковых мыслей, вечно жужжащих в голове. Я перечитываю один и тот же абзац вот уже в третий раз и все равно не могу вникнуть в суть.

Долбанная символика.

Знак – это не сам предмет, а то, что представляет предмет или идею... Классическая триада: обозначающее, обозначаемое и интерпретанта... На последнем слове я запинаюсь, хоть и читаю не вслух.

Тяжелый вздох вырывается наружу.

– Извините, – приглушенно слышу я через наушники, в которых ничего не играет, потому что я и правда в книге вижу только фигу.

Поднимаю голову и смотрю на милую девушку напротив. Ее большие темные глаза мягко смотрят на меня, а потом опускаются вниз. На книгу.

– Это случайно не Чарльз Парэ? Простите, что подглядела, – стушеввалась она и покачала головой. – Не стоило.

– Да что вы, – отмахиваюсь я и улыбаюсь. – Все в порядке. И как вы только поняли, что это именно его работа? – удивленно хмурюсь, потому что действительно впечатлена.

– Просто лингвистикой увлекаюсь с самого детства, – пожимает незнакомка плечами, словно это пустяк и каждый второй ребенок имеет такое же хобби. – Но семиотика меня особенно начала интересовать не так давно.

– Меня зовут Тина, – протягиваю ей руку. – И давай на «ты»? – Потому что нам обоим очевидно меньше тридцати лет.

Девушка немного теряется, но все-таки отвечает на рукопожатие.

– А я Эмилия. Можешь называть меня Эми, – улыбается она.

Располагать людей у меня получается неплохо, хоть мне и говорят, что я бываю резковата и иногда навязчива. Но я считаю, что лучше навязаться, чем упустить возможности.

– Приятно познакомиться, – подмигиваю я Эми. – Так, насколько широки твои познания? – спрашиваю я и с надеждой вглядываюсь в лицо своей новой знакомой.

– Я бы не сказала, что прямо гуру, – Эми пожимает плечами.

Не вижу смысла ходить вокруг да около, поэтому достаю из рюкзака – настолько осторожно, насколько это возможно – свой ежедневник и кладу его на столик между нами.

– Не знаю, – начинаю говорить я. – Может, это удачное совпадение или что-то вроде судьбы, но мне нужна помощь. – Я делаю паузу и мягко смотрю прямо в глаза Эмилии, которые на солнце отдают бронзой. – И кажется, ты сможешь мне ее оказать.

– Чем смогу, тем помогу. Расскажешь?

Я показываю Эми символы, нарисованные в ежедневнике. Стараюсь не касаться бумаги. На ходу придумываю легенду – мол, эти загадочные знаки моя горячо любимая бабушка оставила в своем завещании, и мне необходимо их разгадать для своего душевного спокойствия.

Не очень правдоподобно, но это первое, что пришло мне в голову.

И вообще, я могла бы стать актрисой – целый год я ходила в актерский кружок при университете! Но, к сожалению, меня не зацепило.

Зато сейчас моя игра зацепила Эми!

Она соглашается, и я поддвигаю к ней свою толстую тетрадку. Тонкие пальцы Эми тянутся к ней. Мои глаза впиваются в ее движения. Сердце замирает.

Еще никто кроме меня не трогал ежедневник.

Эми спокойно проводит рукой по странице. И с ней ничего не происходит.

Я выдыхаю. Рада, что никто больше не чувствует боль из-за сшитой стопки листов. Но тут же тело сковывает напряжение. Ведь в таком случае что-то не так со мной. И только со мной. На плечи наваливается невидимая тяжесть, а в груди начинает тоскливо скулить одиночество.

Что делать со всем тем цирком, о котором знаю лишь я?

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Хотя какой-то последовательности я не наблюдаю.

– Что скажешь? – нетерпеливо интересуюсь я.

Как бы мне хотелось, чтобы чудесным образом Эми просто произнесла вслух их значения, и все пазлы сложились воедино.

Но этого, конечно, не происходит.

– Честно признаться, я вообще мало что могу сказать, – нахмурившись произносит Эми. – Мне известны многие группы символов и даже многие из них я изучала далеко не поверхностно, но тут... – Она еще раз проводит по странице ладонью.

Я тихо вздыхаю и перевожу взгляд на окно и быстро мелькавший за стеклом пейзаж. Видимо мой вид прямо-таки источает печаль и отчаяние, потому что Эми ловит мой взгляд и говорит:

– В Портуэле находится одна из самых древних библиотек, – начинает она. – Уверена, там есть информация об этих символах. Например, в учениях Ронана или в руннике Диавэя...

Не успеваю отфильтровать свои мысли и, глядя прямо Эми в глаза, произношу:

– А ты могла бы пойти туда вместе со мной? – Черт. Мой напор спугнет ее. – Ну, если, конечно, у тебя есть свободное время и желание... – Быстро тараторю я.

Улыбаюсь и про себя молюсь, чтобы Эми согласилась, потому что она – пока что единственная моя зацепка в этом балагане рисунков и паники.

Ее брови сходятся на переносице, а мысли активно снуют туда-сюда в сознании. Эми кажется мне довольно стеснительным человеком. А может даже замкнутым. Она и так маленькая, а тут еще и голову прячет в плечах и огромной толстовке.

И сейчас внутри нее происходит борьба. Она выбирает: да или нет?

Но шестое чувство подсказывает мне, что в ее крови все же течет авантюризм.

– Я все равно туда собиралась заглянуть, – произносит медленно Эми и бросает мне одобрительную улыбку, убирая за ухо выпавшую из хвоста черную прядь волос.

– Это значит «Да»? – с надеждой спрашиваю я.

Эми кивает.

– Это будет просто супер! – восклицаю слишком громко. Несколько человек оборачиваются в нашу сторону, но мне плевать. – Я точно никак не собью твои планы?

– Нет, все в порядке. Я буду... рада помочь. – Последние слова она произносит словно через силу, но я не заостряю на этом внимание.

Мое тело мгновенно наполняет облегчение. Только голова до сих пор находится в густом тумане непонимания. И эту пелену мне невероятно хочется развеять.

Пока поезд мерно стучит колесами, мы с Эми позволяем непринужденно течь нашей беседе, в которой мы немного больше узнаем друг друга.

Эми двадцать четыре года, и она гений. У нее уже два высших образования, она знает четыре языка и является кандидатом гуманитарных наук. Когда я это услышала, у меня глаза чуть на лоб не вылезли! О таких людях я смотрела лишь сюжеты по телевизору. Мне они казались какими-то нереальными. Словно их придумали, чтобы другим всегда было к чему стремиться. А тут я вижу перед собой миниатюрную брюнетку с щенячьими карими глазками, которой на вид дашь не больше шестнадцати, в мешковатых джинсах и огромной футболке с непонятными надписями. Просто в голове не укладывается...

Не в моем стиле мыслить и действовать эгоистично или манипулировать, но сегодня я точно выиграла джекпот, встретив Эми!

Кажется, сделан первый маленький шаг к разгадке тайн, витающих вокруг меня всю последнюю неделю.

Глава 5

Что случилось однажды, может никогда больше не случиться. Но то, что случилось два раза, непременно случится в третий.
«Алхимик» Пауло Коэльо

Челюсть отпадает вниз, когда мы заходим внутрь. Язык просто не поворачивается назвать это волшебство библиотекой... Возможно, я слишком давно не заглядывала в подобные места, но, черт побери, как же тут красиво!

Мама, папа, я попала в Хогвартс...

Сама библиотека находится в горе – прямо в каменной скале. Что уже кажется мне невероятным! Высокие каменные двери, на которых изображены причудливые узоры, днем всегда открыты для посетителей. Это и не удивительно – такие тяжеленные двери попробуй сдвинуть с места хотя бы на дюйм. Когда заходишь, тебя мгновенно окутывает магическое ощущение масштаба во всех его смыслах. Ты чувствуешь буквальную, физическую величину пространства вокруг.

А потом в одного мгновение вся концентрация утекает внутрь – где-то в районе сердца зарождается осознание огромной широты собственной души.

Я все еще стою на месте и продолжаю осматривать помещение так, словно до этого жила во тьме.

– Эм, Тина, – слышу тонкий голосок Эми, но не могу оторвать взгляд от высоченных стеллажей, наполненных книгами. – Не знаю, когда найду нужное, но я напишу тебе. – Она делает паузу, но не уходит. Наконец, я смотрю на нее и восторженно улыбаюсь. – Встретимся у справочной, – кивает Эми в сторону, где располагается круглая стойка, за которой сидит три работницы.

– Да, да, – слишком бодро отвечаю я. – Прости, я просто...

– Понимаю, – усмехается Эми. – В первый раз всегда так.

– Ты здесь уже была?

– Да, но это неважно, – она отмахивается. – Увидимся.

Эми кидает мне милую улыбку и уверенной походкой идет в соседний зал. Она явно здесь ощущает себя как рыба в воде.

Прохожу вперед, приближаясь к одному из многочисленных рядов стеллажей. Все еще озираюсь по сторонам, словно в зоопарке. Освещение в теплых тонах идеально сочетается с голубой подсветкой полок. Много камня, стекла и железа. Но эта серость совсем не унылая или мрачная. Скорее наоборот – торжественная и гордая.

Здесь было бы кстати увидеть роскошную девушку, которая не спеша гуляет в каком-нибудь длинном платье в готическом стиле. Но вдоль стеллажей иду я – в любимых джинсах клеш, в просторной хлопковой рубашке с синеватым принтом в виде размытых цветов и в белых кедах.

Провожу руками по полкам, осторожно касаясь переплетов. Замечаю, что здесь не только старые экземпляры книг, но и новые издания. Затем глаза находят вообще новинки. Правда, их совсем мало, но все-таки они есть. Здорово! В моем детстве, когда я была частым гостем в библиотеках, такого не было. А жаль, ведь тогда бы я уже с малых лет проявляла более очевидный интерес к литературе.

Людей в залах достаточно много, но несмотря на это, все равно доминирует тишина с негромкими перешептываниями.

Кто-то, как и я, бродит среди стеллажей. Кто-то, остановившись на месте, внимательно вчитывается в текст, который, видимо, долго искал. А кто-то идет со стопками книг в читальный зал.

Опьяненная атмосферой, забредаю в детский раздел. Усмехаюсь сама себе. Что ж, ребячества у меня в крови море, поэтому можно считать, что я по адресу. Начинаю разглядывать книги, рассматривать причудливые иллюстрации и вчитываться в родные сердцу истории. Некоторые стихотворения помню наизусть.

Прохожу чуть дальше, углубляясь в теплую ностальгию.

«Цветок Амалии». Глаза цепляются за название, а руки уже осторожно достают книгу. Пролистываю несколько сказок, пробегаюсь по тексту. Ничего не узнаю, но все до боли кажется знакомым. Листаю страницу за страницей, напрягаю все извилины. Но в голове пусто – никаких воспоминаний.

А вот тело заметно наполняется теплом, исходящим изнутри.

Татуировка. От нее расходится жар.

Ладонь тянется к груди.

– Тина. – Я поворачиваюсь на звук. Это Эми. – Еле тебя нашла. Ты мне не отвечала.

Блин, я совсем утонула тут.

– Прости, пожалуйста, – быстро прошу прощения и иду к Эми. – Телефон на беззвучном, а я что-то увлеклась.

Мой взгляд опускается на книгу в руках, и под кожей вновь вспыхивает слабое пламя.

– Понимаю, – улыбается Эми. – Здесь легко потерять счет времени.

– Ага, – прилагаю усилия, чтобы оторвать взгляд от выведенных на обложке букв.

– Я кое-что нашла. Правда, это совсем не то, что я ожидала, но других результатов пока нет, – тихо говорит Эми и показывает мне старую книгу с ветхим переплетом. – Что, кстати, странно. Библиотека ведь такая огромная и... В общем, смотри.

Эми протягивает мне книгу, и я беру ее в руки.

– Учебник по латыни? Думаешь, это что-то оттуда?

– Нет. Смотри вот сюда.

Эми переворачивает учебник корешком, указывая пальцем на символ в самом верху. Черный знак почти сливается с темно-зеленой обложкой.

– Я сравнила с теми символами, что ты мне показывала, – Эми открывает мой ежедневник, который я ей одолжила, и кладет на стол, стоящий в метре от нас. – Точно такой же.

Выдыхаю с облегчением, когда Эми забирает учебник по латыни и подносит к раскрытым страницам ежедневника. Мне страшно, что меня вновь настигнет приступ. Что снова тело погрузится в болото боли, и я увязну там навсегда.

Смотрю на одинаковые рисунки, но не могу найти ни одной крупницы понимания внутри себя.

– И еще, – говорит Эми, указывая на корешок учебника. – Этот символ написан от руки. Кто-то нарисовал его здесь, а не напечатал.

Я всматриваюсь внимательнее. И правда.

– Подожди, – все еще находясь в замешательстве, произношу я. – Ты не нашла литературы, которая бы объяснила их значение? – Я почти тыкаю в ежедневник, отчего по коже пробегаются рой колючих мурашек. – Лишь учебник по латыни, на котором какой-то человек сам нарисовал знак?

Эми медленно кивает и опускает взгляд.

– Я просто рассуждаю, – поспешно добавляю я. – Ты много сделала для человека, которого знаешь считанные часы, – и уже улыбаюсь ей.

– Мне не сложно, – Эми пожимает плечами. – К тому же, это довольно интересно. Откуда твоя бабушка о них узнала? Может, это какие-то символы ее деревни? Или ее рода? Где она их увидела? И зачем написала их в завещании...

Эмилия сыпала вопросами, жадно всматриваясь в страницы ежедневника. Но она даже не представляла, насколько больше этих вопросов роится у меня в голове. Я плаваю в неизвестности. Еще чуть-чуть и начну тонуть.

– Бабушка тебе ничего не говорила про это? – спрашивает Эми.

– Нет, – мотаю головой. – Ничего.

Эми хмурится. Пролистывает учебник латыни. Видимо, надеется увидеть еще рукописные символы. Но не находит таких.

Мои мысли устремляются в прошлое. Я судорожно пролистываю одно воспоминание за другим. Пытаюсь просмотреть все картинки, что остались из поездки к отцу. Ни одной зацепки. Снова пустота. Снова память выдает размытые пятна и приглушенные звуки.

Ни-че-го.

Кожу резко обжигает. Ладонь тут же оказывается у татуировки.

– Эй, – заглядывает мне в глаза Эми. – Все в порядке?

Я не замечаю, как начинаю шипеть от боли.

Эми дотрагивается до моего плеча, и ее глаза округляются.

– Ты горячая, – произносит она.

Усмешка появляется на моем лице.

– Спасибо, конечно, мне очень приятно, – шучу я.

– Нет, я серьезно, – обрывает Эми со всей строгостью. Что-то новенькое. – Ты в прямом смысле горишь.

Мне действительно становится жарче.

Не понимаю. Я не касаюсь сейчас ежедневника. И даже учебник со знаком лежит в метре от меня.

Воздух с трудом проникает в легкие. Голова начинает кружиться. Опираюсь руками о край стола. Пытаюсь отдышаться. Огонь внутри не хочет затихать. Но почему?

Эми роется в своем рюкзаке и достает бутылку воды. Руки сильно трясутся, не могу открыть крышку. Эми снова помогает.

Может, у меня эпилепсия? Пожалуй, стоит навеститься к врачу, когда вернусь домой.

– Ну же, – умоляюще смотрит на меня Эми. – Сделай хотя бы глоток.

Она боится. Я тоже.

Внезапно на нас обрушивается грохочущий бас:

– Это не поможет.

Хочу обернуться, чтобы взглянуть на этого знатока, но тело перестало слушаться меня. Словно статуя, я продолжаю неподвижно стоять на месте.

– Простите? – вежливо, но с явным холодком обращается к нему Эми.

Шаги стремительно приближаются к нам.

Чьи-то пальцы касаются моего виска. Вот черт! Кожу обжигает, все мое существо наполняет острая боль. И... через секунду все исчезает. Все вновь становится нормальным.

Я громко выдыхаю и прикрываю глаза, смакуя удовольствие от прекращения пытки. В ушах все еще клокочет звон, но я все же начинаю различать звуки.

– Тина, ты как? – Ощущаю мягкое прикосновение на спине. – Что вы сделали?

– Неправильный вопрос, – с равнодушием в голосе отвечает незнакомец, который, по видимому, только что избавил меня от страданий.

– Что со мной происходит? – выдавливаю я и разворачиваюсь.

Седые волосы, убранные в пучок на затылке, первыми бросаются в глаза. Светло-голубые, почти белые, глаза смотрят на меня так пристально, что я ощущаю это физически. На шее

белеет шрам. Аккуратный, будто от скальпеля. Кожаная куртка контрастирует с морщинами на лице.

– Закончила сканировать? – спрашивает дед-рокер без намека на какие-либо эмоции.

Непонятное чувство узнавания растекается по венам. Но я твердо уверена в том, что мы с ним не знакомы. Я даже его нигде не могла видеть, потому что, если бы мы встречались, я бы точно его запомнила. Тогда почему он ощущается так, словно я вижу перед собой старого друга?

– Так вы знакомы? – все еще с напряженными нотками в голосе интересуется Эми.

– Не уверена, – тихо произношу я. – Так что со мной происходит?

Дед-рокер удовлетворенно кивает. Видимо, это и есть правильный вопрос.

Но он не отвечает. Молча разворачивается и делает несколько шагов вперед. Останавливается. Смотрит на нас через плечо и кивает, как бы приглашая идти за ним.

Эми бросает настороженный взгляд в мою сторону, явно не желая тащиться за странным типом. Я уже хочу сказать, что пойду одна, поблагодарить ее за все, но слышу низкий голос:

– Вы обе, – скорее приказывает, нежели просит дед-рокер.

Взгляд тут же обращается к Эми, но та хмуро смотрит на незнакомца.

– Вряд ли вы сможете... – начинает она.

– Дать вам ответы? – не поворачиваясь, заканчивает за нее дед-рокер и усмехается. Первый показатель эмоции. – У меня больше сведений, чем вам нужно.

Эми хочет что-то ответить, но шумно выдыхает и поворачивается ко мне.

– Что ж, я хочу тебе помочь, поэтому идем, – произносит, видимо, мой новая подруга и забирает учебник с ежедневником.

– Но... – я осекаюсь.

– Я тебя не брошу с подозрительным и устрашающим стариком, который без разрешения трогает девушек, – строго шепчет Эми и следует за незнакомцем.

Опешив, я еще секунду смотрю ей вслед, но затем быстро догоняю.

Сначала мы просто идем по библиотеке, проходя один зал за другим. Оказывается, их четыре. Они все внушительных размеров, кроме последнего. Я не нахожу ни одной таблички или указателя, чтобы понять, какая здесь расположена литература. На стеллажах нет ни единой пометки. Может, это служебное помещение? Или склад? Но тогда бы двери были закрыты.

Моя голова вертится из одной стороны в другую так, будто я разминаю шею.

Снова ничего не понимаю. Чувствую себя марионеткой, которую дергают за ниточки все, кому не лень. А я бездумно и покорно опускаю взгляд и молча следую туда, куда мне скажут. Неприятное ощущение, но другого варианта я не вижу.

С другой стороны, я просто удачно натываюсь на нужных мне людей. Если судить по Эми, конечно. Этот дед мне пока никакого доверия не внушает. Пусть он и избавил меня от ужасной боли, сжигающей все внутренности. А еще кажется, что я где-то его видела... До сих пор на краю сознания остался след загадочного узнавания.

Мы проходим зал без табличек и приближаемся к небольшой двери. Она самая обычная, в отличие от всех тех, что мы уже увидели. Дед-рокер достает из кармана ключ и вставляет в замочную скважину.

Я внимательно слежу за каждым его действием, словно хочу увидеть что-то необычное или... волшебное? Почему нет?

Ключ проворачивается, дверь тихо открывается, и мы входим внутрь. Сразу рассмотреть помещение не получается, потому что из освещения – лишь лампа, расположенная на письменном столе метрах в пяти от нас. Но этого достаточно, чтобы понять, что здесь довольно просторно.

Рой мурашек покрывает кожу от мыслей, проносящихся в моей не самой светлой голове. Не хватало нам еще быть убитыми старым маньяком-библиотекарем.

Наивности нам не занимать, если учитывать, что мы послушно пошли за неизвестным нам человеком, который даже не представился. Хотя Эми уже не выглядела, как доверчивая школьница. Пока мы шли сюда, в ее взгляде блеснула решимость. Меня это успокаивало, потому что среди нас двоих, очевидно, она была сообразительнее и старше.

Вместе с громким звуком захлопывающейся двери в помещении включается свет. Теплое освещение, мягкий диван у правой стены, два кресла у левой и фотографии в рамках над столом прямо напротив входа. Это первое, что бросается мне в глаза. И, честно признаться, тут же немного успокаивает. Здесь довольно уютно.

Но где мы?

– Это мой кабинет, – тут же отвечает дед-рокер на мой немой вопрос. – Здесь вы в безопасности.

– А до этого были в опасности? – вопрос мгновенно вылетает из меня, пока глаза пытаются залезть на лоб.

– Что вы имеете в виду? – спокойно подает голос Эми.

Я все еще нахожусь в растерянности. От всего вокруг.

– Мне вы можете доверять, – с непоколебимой уверенностью утверждает дед.

– Мы даже имени вашего не знаем! – довольно громко возражаю я.

– Справедливо, – усмехается он. – Присаживайтесь, – его рука указывает на диван.

Только сейчас замечаю, что диван обит зеленым бархатом. Когда мы садимся на него, по телу пробегает волна облегчения. Мышцы все еще ощущают жар.

– Вы совсем ничего не знаете? – спрашивает дед с прищуром во взгляде. Он садится за стол и рассматривает нас, как музейные экспонаты.

– Сначала представьтесь, а потом поговорим, – отчеканивает Эми. – Возможно, – она складывает руки на груди.

А она оказывается та еще решала!

Дед-рокер кивает.

– Да, конечно. Меня зовут Леон Амари, – он утыкается взглядом в меня, словно ожидая реакции. Но ее не следует. Я его не знаю. Хмыкнув, он добавляет: – Можно просто Леон.

– Приятно познакомиться, – на автомате, как мне кажется, отвечает Эми.

– Я Тина... – начинаю я.

– Дюваль, – договаривает за меня Леон. Мое сердце пропускает удар. – Я знаю, кто ты. И тебя тоже знаю, Эмилия Новак, – не глядя на подругу, говорит он.

Мы переглядываемся. Тысяча вопросов застревает в горле.

– Откуда вам известно? – с прищуром в глазах спрашивает Эми.

Леон хмыкает в задумчивости, словно какие-то пазлы в его картине мира не сходятся.

На вопрос он не отвечает, но вновь повторяет свой, уже скорее утвердительно:

– Так вы совсем ничего не знаете...

Теперь Эми встревоженно смотрит на меня. Ее брови хмурятся. Конечно, это ведь я затащила ее сюда.

– Слушай, – тихо обращаюсь к ней, потому что она, видимо, ждет объяснений, которых у меня нет. – Я без малейшего понятия, что происходит. Честно! – неосознанно наклоняюсь к ней ближе. – Но насчет завещания и бабушки...

Резкий смешок прерывает мои попытки открыть свою ложь. Мы обе поворачиваемся в сторону Леона, который начинает действовать мне на нервы своим снобским поведением.

Хочу кинуть в него какую-нибудь язвительную фразу, но тут же ощущаю на себе пристальный взгляд Эми. Черт.

Я делаю вдох и на выдохе поизношу:

– Нет никакого завещания и бабушки. Ну, то есть бабушка у меня, конечно, есть, – быстро добавляю я. – Но она жива и здорова. А эти знаки нарисовал мой отец. Прости, что соврала.

Я настороженно изучаю реакцию Эми. Но в ее лице нет отражения разочарования или обиды. Лишь ровная задумчивость.

– То есть... нам уже не нужно гадать, почему твоя бабушка написала эти руны и почему именно в завещании? – спрашивает она.

На секунду я теряюсь.

– Эм... Получается так, – произношу я и снова вглядываюсь в Эми. – Ты даже не злишься на меня?

– Ты просто поменяла условия задачи, – она пожимает плечами. – Мне до сих пор интересно узнать, что значат эти твои символы. Да и как так вышло, что почти ни в одной книге они не упоминаются.

– Да ты азартная, – усмехаюсь я.

Выражение лица Эми меняется. Она вновь немного смущается. Голова наклоняется вперед, а глаза упираются в пол.

– Слушай, ты прямо сейчас можешь уйти, – говорю я. – Мало ли что этот тип может сделать, – косо смотрю в сторону Леона, который откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. На этих словах он напоказ закатывает глаза. – Это все равно только моя забота...

– Я хочу остаться, – перебивает меня Эми. – Тем более он знает меня... – Она переводит взгляд на Леона – уже довольного и с ухмылкой на лице. – Думаю, мне будет полезно расширить свой лингвистический кругозор.

– Будет занятно, – одобрительно кивает Леон.

Мне это не нравится.

– Понимаю, – его бас отражается от стен. – Ко мне пока еще нет доверия.

Он поднимается из-за стола, обходит его и приближается к нам. Я не осознаю, как поднимаюсь на ноги. Не хочу быть в позиции жертвы. Не хочу быть ниже него!

– Позволь, – говорит он и поднимает руку. – Я лишь верну твое по праву.

Его ладонь оказывается в сантиметре от моей щеки. Указательным пальцем он дотрагивается до виска. И меня отбрасывает назад.

Глава 6

Выбрав дорогу, чтобы уйти от судьбы, мы именно там ее и встречаем.

Мастер Угвэй, «Кунг-фу панда»

Утром за завтраком, днем на работе и вечером перед сном Тина искала информацию о родителях. И это было сложно. Казалось будто они персонажи книги, которых в реальности просто не существует. Не было никаких зацепок. Почти.

Как только у Тины на руках оказались данные о ее биологических родителях, она не могла не думать об этом ни минуты. Мысли навязчивыми пчелами жужжали рядом.

Несмотря на свой возраст, отец работал ассистентом кафедры философии в одном частном университете, о котором Тина даже и не слышала. Больше никаких упоминаний о нем нигде не числилось. Про маму информации она так и не нашла, поэтому единственное решение, которое виделось ей правильным, – это поехать к отцу. Желательно как можно быстрее.

Университет располагался всего в двух часах езды на поезде в восточном пригороде. Добраться до него ничего не стоило, поэтому в свои выходные Тина отправилась в зовущую ее неизвестность. В тот момент она даже наслаждалась своим неведением, купаясь в предвкушении встречи и не зная, как ей потом осточертеет бездна загадок.

Всю дорогу Тина прыгала от одного предположения к другому. Она допускала мысль о том, что отец может ее не признать. Или он вовсе о ней не знает. А может этот день станет самым счастливым в его жизни...

Здание университета представляло собой несколько корпусов, которые построены в минималистичном стиле и объединены между собой мостами-коридорами с панорамными окнами.

– Ну, вперед, – прошептала Тина и шагнула навстречу своим корням.

Найти нужный кабинет не составило труда, особенно для человека, который всегда не прочь поболтать с незнакомцем.

Прежде чем постучать, Тина сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, отпуская маленькие волны страха. Поправила кудрявые пряди, откинув их назад. Отодвинула чуть назад тонкий красный ободок на макушке. Качнула головой, заглушая белый шум сознания.

Будь что будет.

Три удара в дверь трепетно отозвались в сердце. Послышалось глухое призывающее «да-да», и Тина вошла внутрь.

Сначала взгляд скользил по полу. Но затем, словно зная наперед где он, Тина посмотрела в точно такие же зеленые глаза, как и у нее. Светлые волосы были короткими, но все равно выющимися. Русые пряди переплетались с седыми, переливаясь серебром на солнце, которое светило в окно. Щетина на его лице, которой было несколько дней, прямой нос, тонкие губы. Спокойные черты лица.

Пусть они и не похожи, как две капли воды, но в Тине вспыхнула тихая уверенность.

Это он.

– Здравствуйте, – спустя ужасно долгие пять секунд прорезался голос Тины.

– Доброе утро, – кивнул отец. Затем опустил взгляд на наручные часы и добавил: – Хотя уже без пяти полдень.

– Эллиан Бернар? – произнесла Тина почти утвердительно.

– Да, – коротко ответил он и наконец по-настоящему посмотрел на нее.

От Тины не ускользнул оттенок беспокойства в его глазах.

– Вы что-то хотели? – надев маску безразличия, спросил он. – Если дело несрочное, то мы можем договориться о встрече в другой день, – быстро проговорил он, перебирая кипу бумаг у себя на столе. – Сейчас, к сожалению, мне нужно идти.

– Я ваша дочь, – твердо сказала Тина, стоя с прямой спиной и упираясь цепким взглядом на Эллиана Бернара. – А вы мой отец.

Ее тон пресекал все возражения, словно во всем мире сейчас только ее голос имел вес.

Впитывая слова, витавшие в воздухе, отец замер. Но лишь на мгновение.

– Простите, – он выдавил улыбку и сочувственно покачал головой. – Но вы ошиблись. У меня нет детей.

Как ни в чем не бывало он продолжил собирать какие-то документы, спешно складывая их в сумку. Уверенный и невозмутимый. Но Тина видела в нем волнение. Объяснить было невозможно, но она просто чувствовала каждой своей клеточкой, что он переживает. Ее биологический папа.

Папа.

Она продолжала стоять около двери, игнорируя его отрицание.

Отец прекратил перебирать бумаги. Он остановился, уперевшись руками в стол и не глядя на Тину. Его тяжелый вздох был наполнен... горечью?

Тина нахмурилась и прислушалась, пытаясь уловить намеки на дальнейшие его слова и действия.

– Девушка, – начал строго он.

– Тина, – перебила она его. – Меня зовут Тина.

Желваки на лице отца напряглись.

– Хорошо, Тина, – продолжил он, все еще глядя куда угодно, но не на нее. – Не знаю, кто вам рассказал эту небылицу. И почему вдруг главным героем в ней оказался я. – Наконец-то его глаза встретились с ее. – Но это все неправда.

Тина неотрывно смотрела на него, будто под гипнозом. Он должен поверить. Он должен узнать!

– Да, вы чья-то дочь, – кивнул Эллиан Бернар. – Но не моя. Поэтому прошу, покиньте кабинет.

Тина оставалась непреклонна.

Эллиан Бернар закинул сумку на длинном ремне на плечо и двинулся к ней. Расстояние между ними стремительно уменьшалось. По телу Тины пробежали наэлектризованные мурашки, и рой мелких покалываний обжог ее – несильно и всего на несколько мгновений. Кажется, то же самое произошло и с ее отцом. Он остановился в метре от нее и уже собирался подтолкнуть Тину к выходу, протянув к ней руку.

– Я твоя дочь, – тихо, но с той же уверенностью произнесла она.

Эллиан Бернар напряженно вглядывался в родные черты лица, будто мечтал развидеть их. Ему хотелось, чтобы это все оказалось сном. Чтобы эта девочка не была его дочерью, чтобы она не была наследницей. Чтобы она оставалась в безопасности. Как было уже пятнадцать лет.

Неужели руны не сработали? И чертовы магические правила нельзя обмануть?

Тоска и сожаление наполнили его с ног до головы.

Тину пронизывали те же острая решимость и твердое упрямство, что и ее мать. И такие же темные кудрявые волосы игриво обрамляли лицо. А вот зелень в глазах и небольшую россыпь веснушек на носу подарил ей отец.

То есть он.

Он вздохнул, а голова медленно кивнула.

– Да, – согласился Эллиан. – Пожалуй, ты права.

Как только эти слова прорезали тишину, замершую между ними, его сердце сжалось. В самом что ни на есть прямом смысле. Казалось, грудную клетку пронзили сразу десятки ножей. Дышать стало почти невозможно.

Отец начал урывками хватать воздух. Тина сделала к нему шаг, желая помочь, но тот выставил руку вперед, останавливая.

– Что случилось? – испуганно произнесла Тина.

Отец двинулся обратно к рабочему столу, опираясь о шкафы и стены. Он искал любую поверхность, чтобы удержаться на ногах.

Тина сделала еще пару шагов к нему.

– Стой на месте, Клементина, – строго, насколько это было возможно, приказал отец.

Клементина. Ее уже много лет так никто не называл. Тело содрогнулось.

– Но какого дьявола происходит? – уже в возмущенном бессилии воскликнула она.

– Ничего того, о чем бы я не знал и чего бы не ожидал, – с натянутой улыбкой ответил отец и его тут же снова скрутило от боли.

Он отчаянно копался в бумагах, ругаясь себе под нос. Тину охватил страх. Несмотря на теплую погоду за окном, ей стало холодно. Она поежилась и обхватила себя руками, пытаясь унять мелкую дрожь. Получалось плохо.

Она сделала шаг навстречу отцу.

– Нет, – отчеканил тот, даже не глядя в ее сторону. – Отойди обратно.

– Но я хочу всего лишь помочь, – возразила Тина, вглядываясь в черты лица папы. – В чем проблема? Может объяснишь? – она повысила голос, но совсем чуть-чуть.

Желание достучаться до родного отца и обратить на себя внимание ярко отзывалось в груди. Словно прочитав ее мысли и уловив порыв, отец замер. Медленно поднял голову и мягче прежнего посмотрел на нее. Сейчас в его глазах плескалось сожаление и печаль.

Тину окутала новая леденящая волна.

– Глупо, – с горечью усмехнулся отец, отодвигая в сторону разбросанные по столу листы. – Все это глупо.

Тина двинулась к нему. Вены на его лбу разбухли, а губы посинели. Грудная клетка двигалась тяжело и слишком редко, чтобы можно было сказать, что человек нормально дышит. Черт, да еще мгновение и он упадет в обморок.

С плеча на пол свалилась сумка. Она быстрым шагом подошла вплотную, подхватывая отца за плечо.

– Тина, – осипшим голосом произнес он, поворачиваясь в ее сторону.

– Тебе совсем плохо. Сядь и скажи, что нужно сделать? – Она посадила его на стул и, присев на корточки, продолжила вопрос: – У тебя какой-то приступ? Ты чем-то болеешь? – Он отрицательно качал головой. – Я вызову скорую.

Она отошла, чтобы взять сумку, и начала рыться в ней.

– В этом нет нужды, Тина, – громче прежнего произнес отец. – Просто... – Он вновь задышался.

Тина нахмурилась и достала телефон, игнорируя его просьбу. Она только что встретила своего родного папу. И в ее планах не было увидеть его смерть.

В ее планах – нет. А вот в небесных планах все было иначе.

– Тина! – громом разверзся низкий голос, заставляя Тину застыть на месте. – Я же сказал, в этом нет смысла.

Его взгляд сверкнул в ее направлении, и телефон не то, чтобы выпал из рук, он просто вылетел и с грохотом упал на пол. Словно невидимая энергия выбила его из ее рук.

Пару секунд внимание Тины было приковано к лежащему у противоположной стены телефону. Как? Каким образом? Но, сбросив с себя пелену растерянности, она вновь направила взгляд на отца. Руки на сумке сжались сильнее.

Он обмяк и сполз на пол, слабо держа в ладони ручку.

– О боже, – прошептала Тина и через мгновение оказалась рядом. – Что нужно? Скажи только...

– Дай любой лист, – с трудом выговаривая слова, произнес отец.

– Да, сейчас.

Сердце ускорилося. Пульс отдавался в ушах. Тело дрожало. А по венам сочился ужас.

На ее глазах увядал человек. И она ничего не могла с этим сделать.

Несмотря на страх, наполнивший все ее существо, Тина быстро сунула руку в свою сумку, которая была ближе всего, и достала ежедневник. В нем хранилась вся ее жизнь. Планирование всегда было неотъемлемой частью Тины.

– Вот, – она протянула отцу открытый на новой странице ежедневник.

Его ладонь потянулась к чистому листу. Пусть тело его было слабым, а воздух с огромным трудом поступал в легкие, но он уверенно вывел три символа.

Выпустив ручку из пальцев, он коснулся Тины. Его дрожащая ладонь осторожно легла на ее грудную клетку, чуть ниже ключиц.

Тина задержала дыхание, глядя в родные зеленые глаза, чувствуя, как ее уже заполняет горе. Она пытается отодвинуть это щемящее чувство в сторону, ведь ничего еще не произошло, но не получается. Каждой частичкой своего тела она ощущала, как ей на пятки наступает нечто пугающее. Ком в горле не давал издать ни малейшего звука.

– Теперь сила в тебе, – начал отец хриплым голосом, все еще держа руку чуть ниже ключиц Тины. Он поморщился от той боли, что накатывала на него бесконечными волнами. – Сеть ветров никому не подчиняется. Но к тебе будут прислушиваться. Ты – хранитель. Каким был я и твоя ма...

Он хватал воздух ртом. Рука его опустилась на пол. Тина подхватила его и подвинула к стене, что была в футе от него.

– Я ничего не понимаю, – прошептала она, ощущая, как слезы защипали глаза. – Хранитель? Хранитель чего?

Спина коснулась опоры, и отец слабо улыбнулся.

– Чар.

У него, наверное, бред. И все-таки зря она не вызвала скорую.

– Не веришь, – он констатировал факт, все еще рассматривая ее лицо. – Пока и не надо, – отец закашлялся, но продолжил. – Боль неминуема. Проще всего – избегать ее. Но это лишь сделает тебе хуже. Ее нужно принять и полностью впустить... Реальность свалиться на тебя огромной тяжестью, но голова станет ясной.

Он замолчал, переводя дух. А его скрипящий вздох заставил Тину содрогнуться. Этот глоток воздуха должен был быть глубоким и насыщенным, но Тина видела, как даже десятая часть кислорода не может попасть в его легкие.

– Доверься, – вновь заговорил отец.

– Кому? – Тина задала вопрос не ради той информации, что он сейчас ей поведаст, а ради того, чтобы он продолжал говорить и что-то делать. Чтобы он был в сознании. Чтобы он жил! Пусть считанные минуты. Или секунды. Но чтобы жил!

– Кто будет потом рядом.

Слова мгновенно проникли под кожу, активируя не только мурашки, но и что-то еще. Что-то мощное и еще малознакомое.

Маленькие электрические разряды искрами отразились в зеленых глазах отца, неотрывно смотрящих на Тину.

– Ты забудешь об этом, – прошептал он. – До поры до времени...

Тина ощутила как такие же электрические разряды блеснули и в ее глазах.

Поймав еле заметную, но до невозможности теплую улыбку папы, она сильнее сжала его руку, которую до этого аккуратно держала в своих ладонях. Слезы уже текли по щекам, и на губах ощущался соленый привкус.

– Ты выросла невероятной, мой мышонок.

Эллиан Бернар сделал последний вдох, но выдоха уже не последовало. Его душа отправилась в астральное путешествие.

А Тина осталась одна. Почти одна. Теперь внутри нее кипела огромная сила, которая станет вечным спутником до конца ее дней.

Только пока ей незачем об этом думать.

Глава 7

*У судьбы нет причин без причины сводить посторонних.
Коко Шанель*

Импульс энергии проходит прямо сквозь меня.

Кажется, будто я только что проснулась. Быстро моргаю и оглядываюсь. Я все еще стою на ногах. Передо мной прищуренное мужское лицо. Леон. Он слишком близко. Делаю шаг назад, и нога упирается во что-то мягкое. Поворачиваю голову и понимаю, что позади диван, а на нем в напряженном ожидании сидит Эми.

– Черт, – ругаюсь себе под нос. – А что это было? – уже обращаюсь к Леону, который, слава богу, отошел от меня на пару шагов. Он все еще кажется мне подозрительным.

– Ну, – пожимает он плечами. – Если ты про конкретные манипуляции, – он дотрагивается пальцем до своего виска. – То я постарался аккуратно вернуть твое сознание в недавнее прошлое, а именно: в момент встречи с твоим отцом.

– Это понятно, – я слегка закатила глаза, и Леон отчего-то улыбнулся. – Но как это возможно? Типа что?? Магия? – фыркаю я и, усмехнувшись, смотрю в сторону Эми.

Но Эми выглядит серьезной. Ее взгляд блуждает по полу в задумчивости.

– А ты больше, чем я думал, похожа на мать, – хмыкает Леон, складывая руки на груди.

– На мать? – глупо переспрашиваю, давая себе время переварить все случившееся.

Разум пустеет на считанные секунды, но этого достаточно, чтобы грозная волна скорби накрыла меня с головой.

Я нашла папу. Вновь ныряю в воспоминания. Нашла! Я нашла его!

И тут же потеряла. В меня словно кинули огромный валун, который вот-вот раздавит меня.

Безвольно сажусь на диван, не замечая на себе взгляды.

Ком в горле не дает мне даже приоткрыть рот, чтобы задать хотя бы один вопрос из огромного списка, что громко дребезжит в сознании.

Вокруг меня тишина. Никто не нарушает ее. Мне дают время. И я благодарна за это. Прикрываю глаза и через силу глубоко вдыхаю, наполняя легкие кислородом.

Чувствую вибрирующие субстанции вокруг себя. Сначала кажется, что это просто тремор – тело пытается справиться со стрессом. Но понимаю, что дело не в моей дрожи. Пытаюсь прислушаться к ощущениям, чтобы уловить точное направление этой вибрации.

– Потоки.. – шепчу я. – Они..

– Повсюду, – тихо заканчивает за меня хриплый мужской голос.

Я открываю глаза и вижу, как Леон вновь приближается ко мне. Садится на корточки так, чтобы наши глаза были на одном уровне, и указывает на меня. Точнее чуть выше солнечного сплетения, где с недавних пор располагается татуировка.

– И ты их проводник. Покровитель ветров. Или, как привычнее всего, хранитель чар.

– Жесть, – это все, что я выдаю после минутного молчания.

В горле першит от сухости. Глаза утыкаются в одну точку, пока в памяти снова и снова прокручивается вся информация. Сердце ноет. Хочется плакать, но слез нет.

Я хмурюсь, изо всех сил пытаюсь осознать свое новое положение. У меня столько вопросов, что не могу их даже произнести вслух. Не могу выдать ни единого слова, хотя безумно желаю знать все.

Леон набирает в легкие воздух, собираясь начать свой рассказ, но я в тишине поднимаю руку и останавливаю его.

Мне нужно совсем капельку времени, просто чтобы привыкнуть к этой версии реальности. Тяжело поверить во все происходящее за такое короткое время. Но я все же верю, пусть и не всему.

Чувствую сердцем, что вернувшиеся ко мне воспоминания правдивы. Значит, во мне все же течет неведомая сила. Однако об этой силе, по видимому, все знает Леон.

Чертов дед-рокер. Откуда он взялся? Что ему от меня нужно? Какие еще у него есть способности? Или он такой же, как и я?

– Черепушка лопнет, – прервал череду мыслей низкий голос.

Я поднимаю голову на Леона и хмурюсь:

– Что?

– Черепушка лопнет, если продолжишь беспрерывно думать обо всем сразу.

– Так, – я начинаю раздражаться и повышаю голос, вставая с дивана. – Ты телепат? Умеешь читать мысли? Как ты залезаешь ко мне в голову? – Тычу в Леона указательным пальцем, но держу между нами дистанцию. – Если ты обладаешь какой-то супер-мега-крутой способностью, то объясни уже! – Ощущаю покалывающую злость в ладонях. – Потому что на данный момент мне кажется... Нет, я даже вполне уверена в том, что потихоньку схожу с ума. И, возможно, это наследственное, ведь мой родной отец тоже мог бредить перед... – резко осекаюсь и не могу произнести это слово.

Снова погружаюсь в скулящую тоску. Несмотря на уже пережитое горе, только сейчас я осознаю внутри себя всю боль, массивным комом застрявшую в груди.

Крепко сжимаю кулаки и сглатываю ком в горле.

Как же мне грустно. Скорбь заполняет все мое существо, а я не хочу с ней бороться.

Тело накрывает слабость. Затем чувствую нежное касание холодных рук.

Эми тихо подошла ко мне и теперь приобнимает за плечи, стоя немного позади. Я дотрагиваюсь до ее ладоней, принимая сочувствие и утешение.

«Но ведь Эми не знает, что произошло», – мысль мелькает в моем разуме.

– Я показал и ей, – как и всегда отвечает на мой неозвученный вопрос Леон. – Прости, что снова влез, – он поднимает руки ладонями вверх, как бы сдаваясь.

То ли у меня кончились силы на злость, то ли я уже начинаю привыкать, но во мне нет раздражения. Или, по крайней мере, настолько яркого, как было еще пару минут назад.

– Мне очень жаль, Тина, – шепчет Эми, сильнее прижимаясь ко мне.

– Спасибо, – киваю я. – Но сейчас мне бы больше всего на свете хотелось узнать, какого дьявола все-таки здесь происходит.

Направляю взгляд сначала на Эми – она хитро улыбается, радуясь моему воспрявшему духу. Я все еще тихо удивляюсь этой версии Эмили, что разблокировалась час назад.

Перевожу глаза на Леона, который явно готов к этому разговору. А если нет – у него нет выбора.

Дед-рокер вальяжно уселся на своем стуле, похожем на кресло, – обитый такой же зеленой тканью, что и диван, с деревянными подлокотниками, на краях которых располагались загогулины. Ему идет этот пафос.

Он ждет, пока мы высыпем на него весь арсенал вопросов.

Я подхожу к его столу и скрещиваю руки на груди, подсознательно опасаясь грядущей информации.

– Кто такой хранитель чар? – прерываю наше молчание.

Леон продолжает выжидающе смотреть на меня. Я приподнимаю бровь, пытаюсь взглядом проделать в нем дырку.

– Меняй, – спокойно или даже скучающе говорит он, но все еще сохраняет наш зрительный контакт.

– Меняй? – на мгновение я опешила. – Мы вроде бы не в игры играем. Я задала вопрос и за ним обычно следует ответ.

– И тебе следует его поменять. Начни с другого.

И я начинаю медленно закипать. Почему бы просто все не вывалить сейчас одним скопом? Зачем нужны бессмысленные «горячо-холодно»? Тем более если во мне течет какая-то важная и мощная сила.

– Эллиан Бернар, твой отец, – вдруг послышался голос Эми, – упомянул про сеть ветров, верно? – Она делает шаг ко мне и смотрит на Леона, который одобритительно кивает. Вот жук! Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. – Что это за сеть такая?

– Сеть ветров человеческих душ обрамляет всю нашу планету, – начинает Леон, чуть наклонившись вперед и опершись локтями на стол. – Потоков столько, сколько людей. Поэтому сеть довольно-таки большая.

Он делает паузу. Отводит голову чуть в сторону, словно прислушивается.

– Пока не особенно понятно, – бормочу я, но так, чтобы меня все услышали.

Леон недовольно вздыхает, но продолжает:

– Верите в судьбу?

Мы с Эми переглядываемся и одновременно подаем голос:

– Да, – твердо киваю я.

– Допускаю, – с сомнением говорит Эми.

– Ну так вот эти потоки и есть реальное воплощение метафорических нитей судьбы.

Я открываю рот, но Леон обрывает мою еще не вылупившуюся мысль:

– Нет, нитей судьбы не существует. Это выдумка. Сказка.

– Ладно, – пожимаю плечами. – Просто я слишком долго в это верю... Верила, – тут же исправляюсь я под его суровым взглядом. – Тогда как именно работают потоки? И вся сеть? Для чего она? – я тараторю, разводя руки в стороны. – Конечно, я могу примерно представить, но наверняка это вновь будет детская небылица.

– А вот здесь многие небылицы вполне себе правдивы. Человеческие души зарождаются в астральном измерении, – Леон мимолетно, но отчетливо посмотрел в потолок, – где они находятся определенное время, выстраивая или согласовывая поток своей грядущей земной жизни.

– То есть все заранее известно? – спрашивает Эми.

– Да. Но, конечно, мы ничего не помним после своего появления здесь, на земле. Тем не менее ветер продолжает нести в себе нашу историю и подталкивать в нужный момент к нужной тропинке.

Я вслушиваюсь в каждое слово, но верить этому получается плохо.

Одна моя часть активно кивает, соглашаясь со всем сказанным, и слышит подтверждение давним мечтам из детства, отрочества, а может даже и юности. Эта частичка меня уже нашла тысячу и одно подтверждение существованию магии, генерируя в сознании различные необъяснимые вещи, происходившие за всю мою жизнь.

Вторая же половина меня стоит где-то в углу комнаты и со скепсисом оглядывает новых людей и молча отрицает почти каждый звук, произносимый Леоном. Ведь это бред сумасшедшего. Как бы человек не верил в чудеса, они все равно останутся сказками, которым суждено жить только на страницах детских книг.

– Астральное, значит, измерение, да? – переспрашиваю я.

– Все верно, – кивает Леон.

– Получается, что всякие, например, экстрасенсы, умеющие выходить в астрал, могут видеть сеть человеческих душ?

Уголок рта Леона немного приподнимается в ухмылке.

– Не совсем. И это уже следующий вопрос.

Он переводит взгляд с меня на Эми и наоборот, видимо, ожидая услышать этот вопрос. Боже, ну почему просто не рассказать? К чему эти схемы?

– Я не издеваюсь над вами, – говорит он, словно опять прочитав мои мысли. – Просто жду интересующие вас вопросы.

Ладно. Нет ни малейшего желания тратить энергию на недовольство. Я здесь, потому что меня мучают приступы боли, из-за которых у меня пропал нормальный сон. А еще потому что последняя и единственная встреча с моим биологическим отцом прошла кошмарно – и это еще мягко сказано, – взвалив на мои плечи груз необъяснимой белиберды.

Пока что необъяснимой. Все-таки во мне сияла надежда, нашептывающая на ухо: «Ты не сошла с ума. Ты в порядке».

– Кто такой хранитель чар?

Мой вопрос вновь прозвучал в этих стенах. Но уже тверже. Я требую ответа. С явным намерением услышать ответ. И в этот миг с меня словно спадают цепи, сковывавшие меня неизвестно сколько времени.

Стало легче дышать. А я ведь даже и не замечала до этого, насколько тяжело мне давался каждый вздох.

– А ты сама то как думаешь? Что чувствуешь?

Во мне с невероятной скоростью возросло желание огрызнуться ему, потому что играть в угадайку уже изрядно надоело. Но я молчу.

Мысли прыгают из стороны в сторону в поисках логических связей, чтобы дать как можно полноценный ответ. И не с целью показать свою мозговитость, а для самой себя – ради того крохотного кусочка веры, что с надеждой ворочается внутри меня.

– В сказках часто упоминается маг или какое-то существо, прядущие нити судьбы. Мойры, Норны или Мокошь, – рассуждая, начинаю я. – Следовательно, хранитель чар – это тот, кто способен управлять потоками душ?

– Если это необходимо, – кивает Леон. – Но, как правило, сеть ветров не нуждается в корректировке, хотя и такие случаи бывали.

Если управление – это не основная задача хранителя, значит...

– Контроль, – я поднимаю взгляд и встречаюсь с ледяными глазами, ожидающие продолжения. – Хранитель чар как смотритель. Он контролирует сохранность и правильный вектор потоков.

Его глаза все еще сверлят меня, и я теряюсь. Шестеренки начинают усерднее крутиться. Откуда мне вообще это должно быть известно? Он же сам видел и слышал, что именно отец успел мне сказать до... своей смерти.

– Ну же, – послышался бас, но глухо, словно из-за стенки.

Хмурюсь, напрягаю все свои извилины, сжимаю кулаки с такой силой, какую еще никогда не ощущала в собственном теле. Тепло окутывает меня с ног до головы. Мягкое. Безопасное. Оно потрескивает невидимым костром где-то внутри меня.

– Тина, – вмешивается в бурю чувств Эми. – Твои глаза... – Я поворачиваюсь к ней с вопросительным выражением лица. – Они светятся...

– Что?

Эми достает телефон из кармана и протягивает мне. Нет необходимости даже включать камеру: на темном экране виднеется отражение с мягко подсвеченными зелеными глазами. Вот блин.

– Хранитель является частью сети ветров, – тихо произношу я, все еще вглядываясь в очертания глаз. – Он сам является потоком.

– Можно сказать, что точкой отсчета, – добавляет Леон. – Хранитель, то есть ты, – он делает небольшую паузу, чтобы я посмотрела на него и осознала суть произнесенных слов, – это сгусток чистой энергии обернутый в человеческую оболочку. Целостность, баланс и траек-

тория – вот твоя зона ответственности. Но об этом чуть позже. Тебе сначала нужно научиться выпускать энергию наружу, чтобы не сгореть. А там однажды в астральное измерение можешь попасть, – хмыкает он.

Ноги прирастают к полу. Я слушаю его и не могу распознать ни единого чувства, что возникают вспышками в груди.

Растерянность и беспокойство смешались в единый ком с любопытством и азартом.

Поворачиваюсь к самому рациональному человеку в этом помещении и спрашиваю:

– Что думаешь?

Эми вздыхает. Ее глаза бегают, огибая все пространство вокруг.

– Думаю, что стоит попробовать. – Через пару секунд она добавляет, словно оправдываясь: – Я бы не доверяла всему этому, если бы не очевидные осколки доказательств. Твои глаза и тот приступ... А еще тот факт, что я каким-то чудесным образом смогла увидеть твои воспоминания.

Я никогда особо не славилась своей логикой, хоть и была в рядах сообразительных. Фантазия, креатив и нестандартное мышление – основа моих идей и решений. Но сейчас я отчаянно хватаюсь за кусочки логики, чтобы отвергнуть то, во что верила всю свою жизнь. Чтобы отказаться от чуда.

Леон, не проронив ни слова, встает со своего «трона», отодвигая его в сторону. Шаркающий звук дерева о камень раскалывает тишину, воцарившуюся вокруг нас. Он подходит к шкафу, стоящему в левом углу, и быстрыми движениями достает оттуда какую-то толстую книгу. А уже через несколько секунд она с глухим грохотом приземляется на стол.

И это вовсе не книга.

– Альбом, – подает голос Леон. – Тут фотографии примерно за последние сто лет.

Эми осторожно касается старого потертого корешка. Коричневая обложка впитала в себя многолетнюю пыль и теперь казалась выцветшей и сероватой. В остальном альбом кажется почти новым. Видимо, его очень бережно хранят.

Эми открывает случайную страницу.

На фотографии за круглым столом сидит компания людей. Мужчин и женщин примерно поровну. Все разных возрастов – кому-то на вид не дашь и восемнадцати, а кто-то уже достиг почтительных лет. Женщина лет сорока стоит, скрестив руки на груди, и тепло усмехается, глядя в чью-то сторону. Молодой человек рядом с ней тянется к девушке напротив него, но смотрит прямо в камеру, словно только поднял голову и заметил фотографа. Рядом с ним сидит его копия. Брат-близнец смеется, и наверняка довольно громко. Его рука застыла в светлых кудрях на затылке. А девушка, которую видно лишь в профиль, недовольно закатывает глаза.

На снимке застыло мгновение яркого обсуждения, когда голоса сливаются воедино, жестикулирующие руки высоко взлетают над столом, а разряжающие обстановку шутки перемешиваются с усталым ворчанием.

– Кто это? – спрашивает Эми.

Я всматриваюсь в фотографию внимательнее.

– Это... твои друзья? Или... – спрашиваю я, поднимая взгляд на Леона.

Он хмыкает.

– Можно и так сказать.

– Типа сообщество магов? – вопросительно приподнимает бровь Эми.

– Типа сообщество людей, – поправляет Леон. – Которым однажды пришлось иметь дело с тем же, с чем теперь имеете дело вы.

– Ущипни меня, – Эми обращается ко мне. – А то все это кажется мне розыгрышем.

Мои губы растягиваются в ухмылке. И я щипаю ее за руку.

– Ай! Я же фигурально!

– Прости, – растерянно бормочу я, хмуря брови. – У меня у самой голова идет кругом. Вроде как все встает на свои места, но и по-прежнему все видится ужасно непонятным.

– Но вполне логичным. Отрицать бессмысленно.

Это правда.

– Конечно, – усмехается Леон. – Магия настолько же логична, насколько логична математика.

– Математика изучается нами с ранних лет, и по ней есть учебники с правилами и подробными объяснениями, – возражает Эми. – Пусть это наука и сложная, но постижимая. А волшебство...

– Мы так не называем чары, – обрывает ее Леон. – Магия – да. Волшебство? Мы не в детском саду.

Он что, оскорбился?

– Хорошо, магия. Она не относится к какой-либо науке. Хотя, возможно, к лженауке...

– Эми даже задумывается.

– А может это все известные вам науки ложные? М?

– Нет, эту грань мы не будем переходить, – она отрицательно качает головой.

– Почему же? – с хитрой улыбкой на лице спрашивает Леон.

– Потому что существует две параллельные, но абсолютно разные реальности. Мы с Тиной из одной, а вы из другой. Это как если бы мыначали спорить: культура чьей страны лучше. Или... если бы к вам с претензией заявили, ну не знаю, водные колдуны. Вряд ли вы бы стали утверждать, что их магия неправильная, как и их знания... – Эми спотыкается, обрывая мысль. Несколько секунд она молчит, что-то обдумывая, а потом с застывшим взглядом тихо произносит: – Правых нет. Как и одной правды. Есть знания. И у каждого они свои.

– Во-первых, водных колдунов мы зовем не так, – ровно произносит Леон, словно это не прибавило загадок в и так ставшую непростой новую реальность. – Во-вторых, мы все едины и составляем одну картину большого мира. Каждый привносит нечто свое, особенное. Для других это может быть незначительным или пустым, или вообще нереальным и бессмысленным. Просто потому что у всех разный набор знаний.

Правых нет. Как и одной правды.

Я впитываю слова, пропуская их через собственный фильтр.

Есть знания. И у каждого они свои.

Мое мнение изменяет окрас на другой. Оно меняет форму и текстуру. Но все же остается моим.

– Поэтому нам жизненно необходимы мудрецы. – Леон притягивает к себе альбом и пролистывает вперед десятки страниц. Показывает нам разворот, на котором...

– Твой папа с его лучшим другом и по совместительству мудрецом.

Молодые. Улыбчивые. Фотография в цвете, поэтому я замечаю румянец на щеках отца. Волосы длиннее, отчего волны заметнее. Легкая щетина обрамляет лицо. Рядом с ним – коренастый молодой человек, которому, кажется, меньше лет, чем папе. Он ниже, но шире. И на его щеках сияют ямочки.

– Как его зовут? – спрашиваю я, не отрывая глаз от фотографии.

– Марк. Полное имя Маркус Бут, но он не любил эту форму, – горько усмехается Леон.

– Что с ним случилось? – интересуется Эми.

Мой взор упирается в Леона, чьи плечи в первый раз за всю встречу напрягаются.

– Так вышло, что его сожгла, поглотила или растворила в себе энергия. Называть можно по-разному, суть одна. Его больше с нами нет.

Ответ был размытым, и на кончиках моих губ уже вертелся следующий вопрос. Но Леон тут же кидает в меня не просто приструнивающий, а строгий и настолько холодный взгляд,

что по коже тут же пробегают колкие мурашки. Ему не нужно ничего говорить вслух. Сейчас лучший вариант – это промолчать.

Его настроение улавливает и Эми, которая так же не решается подать голоса.

– То есть в обществе есть хранители чар и мудрецы? – хрипло произношу я.

– Помимо них есть еще один ранг, – бас Леона стал тише. – Защитники.

Глава 8

Прав ли лейтенант Дэн, считая, что у каждого из нас свой путь, своя судьба или права мама, говорящая, что всех нас носит по жизни, как перышко по ветру? Я думаю, что правы оба – и то, и другое происходит с нами одновременно.

«Форрест Гамп», кинофильм, Форрест Гамп

Внутри пробегает трепет детского удивления. Для меня это все новое, малоизученное и очень – очень! – странное.

А для Леона – его жизнь. Обычные реалии.

– А как мудрецы понимают, что они мудрецы, а защитники – защитники? – интересуюсь я, стараясь удерживать мягкий тон, потому что все еще вижу отблески печали в глазах Леона.

Мне не спешат дать ответ. Он слегка наклоняет голову, прислушиваясь. Глаза пробегают мимо нас и останавливаются где-то позади.

Не успеваю развернуться, как слышу звук открывающейся двери и ощущаю легкий сквозняк, запускающий внутрь прохладу.

– Я думала, ты будешь в основном штаб... – знакомый женский голос заполняет комнату, но тут же прерывается.

Наконец поворачиваю голову и замираю. Всего на долю секунды, но кажется будто время замедляется в тысячу раз. Светлые, почти белые длинные волосы заплетены в простую косу, аккуратно перекинутую через плечо. Глаза-сапфиры смотрят в упор на меня. Сначала удивленно, но потом вполне себе буднично. Как будто мы видимся в этой библиотеке каждый день. Но видимся мы обычно далеко не в библиотеке.

– Ой, ты уже здесь? – На ее лице сияет лисья ухмылка. – Так я вовремя? – Вопрос уже адресован не мне.

– Я бы даже сказал, что сегодня ты невероятно пунктуальна, – сбросив тень грусти, громко отвечает Леон. – Мы как раз говорили о тебе, Софи. Точнее о твоём ранге.

Как ни в чем не бывало, она направляется в сторону дивана и плюхается на него, словно находится у себя дома.

Вся ее одежда черная. Мешковатые, но не сильно широкие джинсы спущены чуть ниже пупка, оголяя маленький кусочек рельефного пресса. Спортивная кофта-безрукавка обтягивает идеальное тело, а расстегнутая наполовину молния заставляет взгляд опускаться явно ниже ее глаз. И там есть на что посмотреть...

Софи закидывает ногу на ногу. Когда замечаю массивные берцы, понимаю, что ни разу не видела ее без каблуков.

Снова застываю, обрабатывая увиденное.

– Я послушаю отсюда, – она подмигивает мне. – Даже интересно, что ты расскажешь, – Софи хмыкает, переводя взгляд на Леона.

– Функция защитника довольно очевидна, – говорит тот, уже обращаясь к нам, что вынуждает меня медленно повернуть голову обратно. – Но помимо физических способностей и умений защитники выступают в роли сосуда.

– Для чего? – довольно оживленно спрашивает Эми в то время, как я до сих пор представляю собой каменную статую.

– Для энергии.

– Защитник может забрать магию из хранителя?

– Нет. Он может взять лишь часть силы. Это допускается в тех случаях, когда происходит энергетический перегрев, – взгляд Леона падает четко на меня. – Думаю, тебе это знакомо. – В

сознании сразу же вспыхнули воспоминания о приступах. – К тому же, защитник не способен долго удерживать в себе чары. Чем дольше он закрывает их в себе, тем слабее он становится.

– Но почему? – спрашиваю я, отмирая. Но ответ почти сразу же звучит Из моих же уст: – Потому что он не хранитель, и его тело не приспособлено к чарам.

– Верно, – кивает Леон.

Мне бы очень хотелось избавиться от поселившейся во мне растерянности и пустоты, которая никак не желала заполняться новыми знаниями. Я все еще стою перед Леоном с опущенными руками. Все еще не понимаю, почему осталась Эми. И почему здесь сидит Софи?

Софи – единственный в этой комнате человек, которого я хотя бы знала до сегодняшнего дня и которому хоть сколько-то доверяю. Или доверяла?

– Соф, – произношу я. – А какого, блин, черта вообще? – поворачиваюсь к ней и складываю руки на груди, словно защищаюсь.

– Смотря про что ты, – хмыкает она, оставаясь в расслабленной позе.

Развожу руки в стороны, как бы огибая пространство, и вопросительно смотрю на нее. И в это момент понимаю, что даже в контексте изменившихся обстоятельств Софи остается моей как бы коллегой.

– Снова задаешься вопросом древности здания? – усмехается она. – Точнее здания в горе. Тогда могу сказать, что всем известная библиотека вроде как здесь недавно... – наиграно тянет Софи, явно наслаждаясь происходящем.

Эми неожиданно фыркает:

– Всего-то сто лет, не считая того факта, что здесь еще в XIII веке были древние архивы.

– А, да? – наконец Софи переводит взгляд на Эми, словно только-только замечает ее. – Ладно, я не мудрец, – отмахивается она. – Хотя в тот раз я тебя не обманула, – Софи обращается ко мне и поднимает указательный палец, подчеркивая свои слова.

– Очень ценю, – натягиваю ироничную улыбку. – Но все же, может, соизволишь объяснить?

Нас прерывает Леон, сурово покашляв напоказ.

– С этим вы разберетесь вне стен моего кабинета. Мы здесь не для этого.

– Но мы тут ради информации, верно? – Злоба обвивает меня тонким ручьем. – Вот я и пытаюсь выудить и понять...

– Для обсуждения есть темы важнее, – гремит он, заставляя меня замолчать.

Нет, дак нет. Я мысленно фыркаю в его сторону.

– О чем еще нам нужно знать? – Эми вновь поражает меня своим внешним хладнокровием. А она хорошо вписывается в эту тусовку.

Моргаю раз. Два. На третий раз веки не смыкаются. Дыхание замирает. Раскаленное клеймо плотно прижимается к моей грудной клетке. К тому самому месту ниже ключиц, где с недавних пор расположилась незапланированная татуировка. Я не вижу горячей стали, но чувствую. Боль затмевает разум. Вокруг шеи обвивается змея и с каждым мгновением сильнее сдавливает мою плоть.

Я тону в собственном страхе.

Меня накрывает темнота, хотя я не закрывала глаза. Ничего не вижу, но приглушенно слышу голоса, которые не могу различить.

– Стой.

Вроде бас Леона.

– Но она ведь..

Не могу точно разобрать кому принадлежит голос – Эми или Софи.

– Нет. Ты не сможешь пока вернуть ей все, что заберешь.

Значит, Софи.

Звон в ушах усиливался, размывая последующие слова, а воздух вокруг начинает стремительно сгущаться.

«Тина, – громом проносится в моем сознании. – Учись контролировать энергию»

«Но я не могу!», – мысленно скулю я, все еще не в силах вдохнуть полной грудью.

«Можешь, – насмешливый тон Леона вновь прорезается в мыслях. – Включи свое воображение. Представь ее. Убери в сундук. И запри»

Но как я могу сфокусироваться, когда меня все глубже затягивает непроходимый алый туман? В ушах вакуум, тела и вовсе не чувствую. Теперь я – не человек, а сгусток чистой боли.

«Прекрати купаться в жалости к себе»

«Легко сказать», – недовольство выскальзывает из меня.

«Ну же! Воображение – это одна из самых сильных в тебе сторон. Воспользуйся этим»

Накрывает новая волна боли. Мысли отключаются. Теперь нет сил даже думать. Прижимаю руку к татуировке и отчаянно ловлю воздух ртом. Хотя возможно все это мне только мерещится, и на самом деле я уже валяюсь в обмороке.

Отбрасываю ненужные образы и напрягаюсь сильнее, чтобы уловить вибрацию энергии. Тень изумления проносится мимо, когда для этого мне хватает всего какой-то доли секунды. Сначала пытаюсь представить энергию стандартно (ну, как показывают в фильмах): светящийся шар с небольшими разрядами похожими на молнии. Но как только образ собирается, тут же рассыпается на тысячи песчинок, исчезая во мгле.

Пробую еще раз. Не выходит.

По голове ударяет молот, оглушая меня. Вокруг кружат искры. Больно! Нельзя впустую тратить время.

«Воображение – это не про стандарты и клише. Воображение – это про отсутствие рамок. Это про тебя»

Стираю из памяти все предыдущие попытки. Но пока меня сковывает боль. Мне необходимо расслабиться, чтобы поймать свой ритм и звучание. Папин голос мягко скользит в разуме: «Боль неминуема. Проще всего – избегать ее. Но это лишь сделает тебе хуже. Ее нужно принять и полностью впустить».

Тело до сих пор не подчиняется мне. Но именно это и нужно. Отпускаю последние сбруи и позволяю физической оболочке просто быть. Ощущаю импульсы, реагирующие на жгучую боль, и тут же забываю о них – вижу перед собой извивающиеся ленты энергии. От них исходит белый лунный свет. И я могу сплести из них все что захочу. По крайней мере, так мне думается.

Делаю вдох, а на выдохе наблюдаю, как одна за другой ленты переплетаются и образуют цветок, в котором я узнаю фрезию [1] – цветок семейства ирисовых. Они часто идут дополнением в букетах. Рядом с одним цветком появляется второй и третий.

Меня до сих пор окружает беспросветная темнота, но когда я заглядываю за невероятной красоты букет – обнаруживаю... сундук! Реально?

Но цветы, уже почувствовав мои намерения, безропотно плывут к нему, рассекая вакуум моего сознания, и через несколько мгновений исчезают внутри.

Тишина. Вдох. Выдох. Ровное биение сердца. И больше никакой боли.

– Тина, ты слышишь меня? – наконец-то распознаю Эми.

Киваю. Или думаю, что киваю. Чувствительность к телу возвращается постепенно.

– У нее получилось, – тихо отзывается Леон.

Мне все еще страшно. Я боюсь той неконтролируемой боли, что приступами приходит и уходит. И этот страх возможно останется со мной еще на какое-то время.

Но он не будет управлять мной. А я буду стараться.

Вновь ощущаю твердый пол под ногами. Начинаю различать запахи. Сладковатый аромат исходит от Эми. Она стоит слева от меня. И нечто тяжелое с табачными оттенками улавливаю

с другой стороны. Софи. Она тоже рядом. Руки упираются ладонями в стол – я стою, опершись на него. Голова опущена вниз.

Тело окончательно возвращается в реальность.

Открываю глаза, ощущая себя новорожденным. Свет кажется слишком ярким, из-за чего прищуриваюсь. Быстро моргаю и привыкаю.

– Я видела, – говорю я, поднимая взгляд на Леона. – Видела свою энергию!

Он улыбается. И это не похоже на ухмылку или усмешку. Действительно настоящая, пусть и скромная, но улыбка!

– И как тебе? – с интересом спрашивает Софи, хотя до этого была абсолютно безразлична ко всему происходящему. Что такого произошло, что все будто только сейчас по-настоящему заметили меня? Кроме Эми. Она и до этого замечала. – Что именно ты видела? – продолжает пытливо смотреть на меня Софи в ожидании ответа.

– Эм... – собираю разбежавшиеся мысли в кучу. – Ленты. Сила была в виде белых лент, от которых исходил свет очень похожий на лунный. Холодный, но сияющий свет. – В мыслях снова возник чарующих образ. – Они окружали меня повсюду и казались бесконечными, но потом сложились в букет.

– Букет? – вернув недоверчивое выражение лица, переспрашивает Софи. – Болезней?

– Цветов. Их было всего три, но это было красиво.

– И как тебе удалось с помощью цветочков обуздать энергию?

– Дай мне договорить, ладно? – кидаю упрекающий взгляд на Софи. И она замолкает, складывая руки на груди. От нее веет недовольством, но это скорее забавляет, нежели бесит. – Энергия словно считывала мои намерения и желания, – продолжаю я, но смотрю уже на Леона. – Там был сундук. И стоило ему появиться в поле моего зрения, энергия тут же поняла, чего я хочу.

Леон молча кивает мне.

Тонкая ладонь Эми ложится на мое плечо.

– Как ты себя чувствуешь? – она спрашивает это с беспокойством.

Я пожимаю плечами, прислушиваясь к организму:

– Да вроде бы все хорошо. – В ее лице читается растерянность. – А что?

– Нет, – мотает она головой. – Ничего. Просто ты пробыла в состоянии.. В общем, ты не двигалась почти полчаса.

– Полчаса?! – как попугай повторяю я, округлив глаза.

– Это тридцать минут, – встречается Софи со своей неуместной иронией. – Ну так, если что, – она усмехается.

– Абсолютно нормально, что адаптация занимает столько времени, – бас Леона заставляет всех затихнуть и посмотреть на него. – Конечно, если бы ты узнала о том, кем ты являешься пораньше, и тебя тогда начали учить, то было бы меньше проблем. Но имеем, что имеем. К тому же, ты вроде быстро схватываешь. – Его ледяные глаза оценивающе меня сканируют, но мне до этого нет дела. – Пора, Клементина, принять свою настоящую роль.

Слова гремят, заслоня небосвод темными тучами. Такое чувство, будто я совершила непростительное зло и теперь мне вынесли суровый приговор – меня отделят от всего мира и поместят в совершенно незнакомую и наверняка далеко не сладкую обстановку, где будут издеваться, а боль станет моей лучшей подругой.

Картинки еще недавней и столь привычной жизни проносятся в голове. Моя квартира, работа – как же там будет магазин без меня? Родители... Черт. Они знают, что я взяла небольшой отпуск, но я обещала им, что как только вернусь, обязательно загляну к ним. Если не появлюсь, мама меня просто-напросто съест.

– Завтра встретимся здесь в девять утра, – произносит Леон, заглушая мысли. – Нужно ведь тебя обучать, верно?

Он садится за стол, уже не обращая внимания на нас троих, все еще стоящих напротив. Софи рассматривает идеальный черный маникюр – наверняка, любит свое отражение на глянцевой поверхности. Эми, скрестив руки, задумчиво смотрит в сторону – в ее голове так отчаянно бегают мысли, что еще мгновение и их можно будет увидеть. Я же стою истуканом, опустив безвольно руки.

Нет сил. На сегодня я исчерпана.

– И без опозданий, пожалуйста.

Ночевали мы с Эми вместе, решив, что так будет спокойнее. Она отменила свою бронь. Квартирка, которую я решила арендовать на неделю, была маленькой, но уютной – обои и мебель в теплых тонах, как и освещение, на стенах висят картины, а в ванной на зеркале висит мотивационная надпись: «первый шаг – это уже движение».

Память сохранила эти мелочи, но когда мои глаза скользили по поверхностям и буквам, я не многое действительно осознавала. Весь путь до временного пристанища я ощущала себя призраком, не имеющим плоти, а оболочка – это дух внезапно обрушившихся на меня знаний.

Мне необходимо как-то отреагировать! Потому что на данный момент моя нервная система усердно закрывается от переживаний. И, кажется, она это делает со самого дня смерти отца.

С этими мыслями пришли слезы, скорбь, горечь и даже обида. Не знаю, сколько времени я плакала, стараясь не разбудить мирно спящую Эми. Кожа пропиталась солью, веки опухли, ком в горле застыл и не желал исчезать. Я растворилась в эмоциях.

Сон затянул меня, лишь слегка приглушив внутренний ураган.

Глава 9

Болезнь моя только в том, что за двадцать лет я нашел во всем городе только одного умного человека, да и тот сумасшедший!
«Палата №6» Антон Павлович Чехов

Леон прислонился спиной к двери и просматривал какие-то бумаги вот уже несколько минут, совершенно не обращая на меня внимания.

– Твоя тревога будет только мешать, – он наконец подает голос.

– Я не...

– Ты боишься изменений. Что, в целом-то, и очевидно, – чуть тише, почти бубня под нос, произносит Леон. – Но нам нужно от этого избавляться.

Бодрость в его голосе медленно, но верно повышает уровень моего раздражения.

Оттолкнувшись от двери, он проходит мимо меня – стоящей посередине кабинета. Глаза все так же опущены в листы.

– Злость, пожалуй, будет лучше. Но все же, – Леон поднимает взгляд на меня и пару секунд просто рассматривает. – Попытайся для начала отодвинуть как можно дальше все громкие эмоции.

– Легко сказать, – фыркаю я. – А что мы делать-то будем? Ну там, какой план обучения? Теория, практика...

– Всю теорию, которую тебе необходимо сейчас знать, я поведал. Остальное – дело опыта.

Слушаю его и думаю о тех вариантах событий, которые могли бы произойти и не произойти, уедь я вчера домой. Интересно, пожалела бы я или нет?

– Хорошо, убедила, – Леон подходит ко мне и заглядывает в глаза, вызывая этим действием рой холодных мурашек. – Запомни... Нет, не так. Прими тот факт, что сослагательное наклонение пусть и существует в нашей речи, но отсутствует в действительности.

– Но речь – это ведь тоже часть нашего мира.

– Да, и довольно весомая часть, но она не способна воплотить в физическую оболочку частицу «бы». Все сослагательные мысли и слова либо никогда не материализуются, либо они уже прописаны в реальности и вот-вот случатся, но тогда они не будут являться сослагательными.

Из вредности жутко хочется ему возразить, но он прав. «Если бы да кабы» – лишь звуковые волны, не более.

На лице Леона появляется довольная ухмылка. Он добавляет:

– И нет. Ты не пожалела, если бы уехала вчера.

– Хватит лезть ко мне в голову! Это нарушение личных границ.

– Пока ты только вылупившийся птенец, я пропишусь вот тут, – он быстро, но осторожно касается моего виска. – И буду следить за твоим состоянием, чтобы ты не взорвалась. Не сгорела... – Он делает вдох и на выдохе договаривает: – Раньше времени.

Хмурюсь и неотрывно смотрю на Леона.

– Что значит «раньше времени»?

Он потирает пальцами переносицу, явно не желая сейчас это обсуждать. Тяжелый вздох. За ним тишина, прерываемая звуком шагов и отодвигающегося стула. Но Леон не садится. Он упирается ладонями в спинку стула, и его острый взгляд исподлобья пронзает меня.

– Хранители могут узнать судьбу человека наперед, всего лишь отыскав его поток. Можно сказать, что вы способны видеть будущее. Чужое, но не свое. Собственный поток всегда будет тайной. И единственное, что наперед известно каждому хранителю, – это причина его смерти.

Мрачность темы нагнетает, но я с жадностью впитываю каждое слово.

– Люди сильно выгорают на работе и уходят в депрессию, а вы...

– Сгораем изнутри и умираем.

Леон кивает.

Хотела теории – получай.

– А почему вы сказали, что я не пожалела, если бы уехала?

– Потому что если бы это произошло в реальности, значит так должно было случиться.

Следовательно, нет смысла жалеть.

– Но многие люди живут в сожалениях.

– Ты – не многие. Ты не тратишь время на такие пустяки, как сожаления.

– Но это неправда, – отчаянно возражаю я. – Вот, например, сейчас, я же подумала так.

– Но не почувствовала, – отрезает Леон, тут же заставляя меня замолчать. – В этом разница. Человек – это совокупность мыслительных процессов: интуитивных и даже порой логических. А чувственные импульсы бывают очень... сильны. Смекаешь?

Он смотрит на меня и не произносит больше ни слова. Ждет, пока я сама озвучу то, к чему он подводит.

Ощуаю себя снова маленькой девочкой, отвечающей у доски домашку, – вроде говорю верно, но вечно спотыкаюсь и сомневаюсь в собственных знаниях, а учитель подталкивает наводящими вопросами.

Пораскинув мозгами, все же отвечаю:

– Сожаление на пятьдесят процентов состоит из разума и на пятьдесят – из чувств. Как все вокруг и внутри нас. А я лишь допустила мысль в свое сознание, но ничего не ощутила.

– Да. И одна из твоих задач как хранителя чар – научиться не только балансировать, но и переключать контроль от разума к чувствам и наоборот.

Кровь прилила к щекам от новой порции информации, которую необходимо обработать и впитать. У меня нет рациональных объяснений, почему мне настолько важно уложить все это в голову и запомнить до мельчайших подробностей. Просто нужно и все. Это единственный вариант. Другого нет.

А выбор я уже сделала, даже если сама еще не приняла его.

Управлять эмоциями оказалось куда сложнее, чем я предполагала. Раньше мне не приходилось насильно их подавлять или усиливать. Но, по словам Леона, моя эмпатичность и чувствительность сыграет все-таки на руку, и было бы куда хуже, если бы хладнокровие являлось лидирующим качеством.

Время стало расплывчатым понятием. Ускорение и замедление пульса, смена едва заметных оттенков злости и радости, распознавание вибраций разных уровней – все это заняло половину дня, а я даже не заметила этого.

– Тут недалеко есть неплохое кафе, – Леон потягивается, разминая шею. – Сходи поешь, а потом возвращайся.

Ощуаю, как на лбу застыла испарина, а по телу лениво течет усталость. Первый раз в моей жизни, когда при работе ума я настолько напрягаюсь.

– Может на сегодня хватит? – с надеждой спрашиваю я, накидывая на себя вязанный розовый кардиган, который мне пришлось снять из-за повышающейся при выполнении упражнений температуры.

– Когда будет достаточно, я дам тебе знать.

И вот снова этот его тон, не предполагающий возражений. А взгляд... им он меня даже не удостоил, уткнувшись в экран ноутбука.

Выйдя на улицу, я делаю глубокий вдох и отпускаю все то, что пять минут назад было в библиотеке. Оглядываю огромное здание, идеально вписывающиеся в такую же огромную гору.

Здравый смысл все еще отчаянно стучит мне по черепушке, настойчиво твердя: «Поезжай домой и забудь об этом дурдоме!». А вот нутро, интуиция, сердце... все они игнорируют тревожные крики и уверенно тянутся и к Леону, и к его словам, и даже к Софи.

Пропустив через себя эти мысли, я тут же замечаю Эми, которая выходит из библиотеки со стопкой книг.

– Хэй, Эмс, – машу ей рукой, ожидая, что она поднимет на меня глаза.

Но она замирает на месте, оставляя взгляд прикованным к пыльным обложкам. Делаю пару шагов в ее сторону. Эми отмирает, смотрит на меня и растягивает губы в неестественной улыбке.

– Все в порядке? – спрашиваю я, когда мы оказываемся рядом. – А то мне показалось...

– Да-да, – отмахивается Эми. – Все нормально. Просто задумалась, – она кивает на стопку в своих руках. – Тут столько всего, Тина! И именно то, что нам нужно было! – Теперь она восторженно сияет, словно отыскала не листы бумаги, скрепленные вместе, а древние сокровища. – Но пока рано что-либо говорить. Ты как? Как занятие?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Странно..?

Эми не просто смотрит на меня, она изучает мою мимику и вслушивается в интонации. Собирает данные, как это делают ученые.

– Ты же только начинаешь, только вливаешься во все эти..

– Потоки? – усмехаюсь я.

Сердце ускоряет темп при воспоминании об энергии, клокочущей в венах. Запускаю руку в непослушные кудри, с которыми ободок сегодня не справился.

– Да, – осторожно улыбается Эми, словно боится выпустить наружу искренность. – Я пойду. Там еще примерно столько же книг ждет моего вмешательства в их покой.

– Где там? – не понимаю я. – Ты же вышла из библиотеки примерно три минуты назад.

Секунда на размышления.

– Леон тебе не показал, да?

– Ты о чем?

Я продолжаю задавать вопросы, но во мне скоро закончится свободное место для новой информации. Сколько можно... Откуда все эти тайны, недомолвки, загадки? Что-то сообщают одному, а что-то другое – второму. А потом – бац! – и привет, недопонимание.

А мы ведь команда!

– Некоторые отсеки здания как бы... скрыты от человеческого глаза. Но лучше спроси об этом его сама.

Она поморщилась, словно сказала и так много того, что мне не нужно было слышать. Кинув в меня извиняющуюся улыбку, она развернулась и быстрым шагом направилась за гористый поворот.

Я двинулась за ней, но громкий звук уведомления резанул по ушам. На экране висело сообщение:

«У тебя осталось полчаса»

Через долю секунды приходит еще одно:

«Сохрани мой номер. Пригодится»

Чертов дед-рокер.

Я проспала. Забыла поставить будильник. Точнее я установила время на телефоне, но не нажала «сохранить». Теперь ношусь по крошечной квартирке в поисках джинс и какой-нибудь кофты поудобнее, но на глаза попадают лишь вечерние топы-корсеты.

Эми я не видела с момента встречи у библиотеки. Может, я просто не успела ее застать дома? Заснула рано – еще не было десяти вечера, а проснулась поздно – в половине девятого. Наверное, разминулись.

Накинув на себя бордовую майку и черный бомбер с белой лилией на спине, я убираю кудри в какой-никакой хвост и выбегаю из квартиры, бегло глянув на время – без десяти девять. Ладно, у меня есть десять минут – ровно столько, сколько необходимо, чтобы дойти до здания библиотеки.

Иду, с каждым шагом ускоряя темп. Перекати поле в голове успокаивает, пока разум не начинает просыпаться, а вместе с ним и моток мыслей.

Пытаюсь обрубить все, что навязчиво лезет в сознание, потому что знаю: самосаботаж сейчас – мой главный противник.

Отгоняю одну мысль за другой, словно отмахиваясь от назойливых мух. Но при виде горы, внутри которой хранятся тысячи книг, я невольно пропускаю внутрь образ Эми. Ее увлеченность до сих пор удивляет.

Я прохожу в открытые каменные двери, погружаясь в знакомую обстановку.

С чего бы вдруг ей так глубоко нырять в почти неизведанное?

Сворачиваю налево, не задумываясь о маршруте – он отпечатался в памяти.

Зачем тратить время на изучение научно не подтвержденных вещей?

Тяну на себя дверь, и та легко поддается.

И с чего бы верить всему, что говорит Леон?

Дверь за мной глухо закрывается.

Два холодно-голубых глаза смотрят прямо на меня. Губы растянулись в ухмылке. А низкий голос тут же заставляет меня включиться в реальность:

– Эмилия Новак – человек, способный учуять истину.

– Просто взять и учуять? – я скептически приподнимаю брови. – Пойти на поводу у интуиции?

– Интуиция – самая точная вычислительная система. И самая быстрая. И ты это знаешь.

Утвердительно киваю. Многие принятые мной решения основывались на так называемой «чуйке». Я всегда считала себя высоко чувствительным человеком, поэтому понятие интуиции мне далеко не чуждо. Более того, мной был изучен не один научный сайт. Поэтому... да, я согласна с Леоном.

– Но она гуманитарий, какие вычисления? – выдавливаю из себя смешок.

– Она мудрец.

Улыбка медленно стекает с моего лица.

Да, конечно, она мудрец. Это стало понятно с того мгновения, как в нас проникли новые смыслы. Однако это впервые было произнесено вслух. И теперь ярлыком закрепилось за Эми.

– Софи защитник, – продолжает спокойно Леон. – Ну, и ты – хранитель чар. Я думал, это очевидно.

– Да, просто... Только сейчас и пришло осознание.

– И ты не понимаешь, какие эмоции оно принесло.

– Ага, – киваю я и опускаю взгляд в пол, пытаюсь рассмотреть, нащупать, вдохнуть тот эмоциональный спектр, что сейчас бушует внутри.

– Раздели все активные эмоции на темные и светлые.

– Типа на плохие и хорошие?

– Нет, – ровным учительским тоном произносит Леон, и я чувствую себя первоклассницей. – Не бывает плохих или хороших эмоций, есть лишь по-разному окрашенные. Ясно?

Киваю, не осмеливаясь подать голос. Заглушаю мысли, концентрируюсь на ощущениях и... теряюсь. Как их делить? Куда складывать? Или выписывать в таблицу? Да и для начала – эмоции как-то необходимо выудить из переплетенного комка.

Леон устало вздыхает и хочет закатить глаза, но сдерживается. Ну спасибо!

– Помнишь, как ты управилась с энергией?

– Я визуализировала ее.

– Вот именно. Воображение – одно из мощнейших орудий, встроенных в человеческий организм. В твоём случае – основное орудие. Научись освобождать разум, позволяя мыслям мягко соединяться с чувствами, – научись всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.